

Изгой

Автор:

Клэр Макфолл

Изгой

Клэр Макфолл

Литературный блокбастерПроводник #3

Он и она встретились в потустороннем мире – Тристан, проводник, доставляющий умерших на тот свет, и юная Дилан, погибшая в ужасной железнодорожной катастрофе. Они полюбили друг друга, доказав, что можно не только изменить судьбу, но и обмануть саму смерть. Молодые люди избежали гибели и смогли вернуться в мир живых.

Но они не знали, какой ценой достанется свобода. Баланс между мирами нарушен, и, чтобы восстановить его, Тристану и Дилан придется пожертвовать самым дорогим, что у них есть. Теперь им предстоит выбрать: остаться, но отправить вместо себя две невинных души или вернуться в пустошь и расстаться навсегда.

Клэр Макфолл

Изгой

Бену.

Да здравствует маленькая книжка, которая смогла

Пролог

Что-то было не так.

Призраки это чувствовали. Какой-то изъян, будто истончилась завеса между мирами мертвых и живых. Дыры давно залатали, но сейчас творилось что-то другое...

Дурманный аромат свежей плоти, истинной жизни приводил их в исступление. Призраки раз за разом колотились в завесу. По ней шла рябь, и гладкая поверхность гнулась. Однако завеса не поддавалась. Пока что.

Они возобновили атаку. Ломились и царапались, утончая покров, пока наконец одна из тварей, рыча и извиваясь, не пробралась внутрь.

Завеса тотчас затянулась. Свора, оставшаяся за чертой, разочарованно взвыла, однако урон все же был нанесен.

Ошеломленный, призрак кубарем пролетел по воздуху. Остановился. Принюхался. Ночные поля манили дурманным зовом крови, пульсирующей по венам. Жизни, которой можно полакомиться.

Глава 1

Да вы что, издеваетесь? Дилан в ужасе таращилась на собственное отражение в высоком зеркале. Широко распахнутые глаза густо обведены черной подводкой, к которой прилагались темно-серые тени. Если повернуть голову под определенным углом, видно, как тени поблескивают. Да, глаза еще куда ни шло. Но остальное...

Волосы ей вытянули, закрутили и начесали, пока те не встали дыбом и не свернулись в крысиное гнездо. Кроваво-алая помада делала ее похожей на

вампира сразу после перекуса.

А платье... Ох, платье. Из тафты. Представьте себе! До роковой минуты, когда Джоан затащила упирающуюся Дилан в отдел бальных платьев магазина на углу Сокихолл-стрит, она и понятия не имела, что такое тафта. А узнав, была от ткани не в восторге. Тем более этот жуткий персиковый оттенок... от него Дилан становилась похожа на переваренную форель. Рукава-фонарики и тугой пояс под грудью, который неприятно сдавливал тело. Юбку, похоже, скроили так, чтобы она элегантно покачивалась и закручивалась при ходьбе, и, может, так бы и было, если бы Джоан не всучила Дилан колготки, которые то и дело цеплялись за чертову тафту и так наэлектризовывались, что заряда хватило бы, чтобы осветить все густонаселенные районы Шотландии.

«Я выгляжу просто омерзительно», – подумала Дилан и вздрогнула так, что изображение в зеркале слегка качнулось. Узнав о том, что ее родители поженятся, она пришла в полный восторг, который стал лишь сильнее, когда ей сообщили, что она станет подружкой невесты.

Но все это было до того, как пришлось выбирать платье.

– Ох, милочка, ты выглядишь просто потрясающе!

Глэдис, двоюродная бабка Дилан, сидела на стуле в углу гостиничного номера, сжимая платочек в распухших от артрита пальцах и слезясь от умиления. Справедливости ради надо сказать, что оба ее глаза поразила катаракта, и это вполне могло объяснить ее восторженный комментарий. А может, такие наряды были в моде, когда тетушка Глэдис была молода. Незадолго до нашествия викингов.

– Спасибо, тетя Глэдис, – с трудом выдавила из себя Дилан.

– Ты ведь знаешь, что ты самая хорошенькая девушка в городе?

Дилан поморщилась. Румянец постепенно заливал щеки, создавая цветовой диссонанс с платьем. Нельзя идти в таком виде, вот просто нельзя, и все тут.

В дверь постучали, и Дилан в испуге подпрыгнула.

– Дилан, ты готова? Уже пора.

Дилан резко повернулась к двери: блестящая медная ручка начала поворачиваться.

– Они ждут...

– Еще минутку! – просипела она.

Ручка остановилась, и, к счастью, дверь осталась закрыта.

– Я еще не готова, Тристан. Ты это... подожди.

В панике Дилан повернулась к тете Глэдис, но от нее помощи ожидать не стоило. Старушка уже начала трудоемкий процесс вставания на ходунки.

– Заходи, мальчик! – взревела она.

«Мальчик» – так она называла Тристана, хотя тот громко и четко ей представился, а Дилан поправила ее с тех пор уже три раза.

Тристан открыл дверь, и Дилан отвернулась, не желая видеть выражение на его лице, когда он увидит ее при полном параде. Но тщетно: она все равно заметила его в отражении зеркала. Он таращился на нее во все глаза, переводя взгляд сверху вниз и обратно, а потом заглянул в зеркало, чтобы увидеть платье спереди. На его лице не дрогнул ни единый мускул, лишь губы, как заметила Дилан, норовили расплыться в улыбке.

– Ого, – сказал он.

– Что, мальчик, потерял дар речи? – заорала тетушка Глэдис. – Ну вот, юная леди, я же говорила! Ты выглядишь сногшибательно.

– Да, – согласился Тристан. – Потерял дар речи.

Он тайком улыбнулся Дилан. Она ответила ему кривой ухмылкой, которая стала шире, когда она заметила его лакированные ботинки, выглаженные брюки и ярко-синюю рубашку. Она никогда не видела его таким разряженным; ему это шло. Особенно рубашка, от которой его кобальтовые глаза разве что не светились. Глаза сегодня выделялись и по другой причине: он зачесал непослушные светлые волосы назад от лица.

– Выглядишь отлично, – сказала ему Дилан.

– Расступись, молодежь! – тетушка Глэдис ходунками оттиснула Тристана с пути и с черепашьей скоростью стала продвигаться к двери. – Пойду-ка присяду. Нет, не надо мне помогать, мальчик. Ведь мне не дашь девяноста двух.

– Я... это... – Тристан неловко переминался с ноги на ногу, явно пытаюсь придумать благовидный предлог, чтобы действительно этого не делать.

Дилан закусила губу, чтобы не ухмыльнуться снова. Тристан не решался сказать тете Глэдис правду: большой парадный зал внизу, где происходила церемония, был слишком далеко. Узы, что связывали Дилан с Тристаном, стали бы натягиваться, причиняя боль и лишая их возможности дышать. Довольно было и того, что Тристан переодевался в номере через стену; Дилан знала, что он рядом, хотя не видела его.

К счастью, в эту секунду за спиной у Тристана появился Джеймс, папа Дилан.

– Тристан, – он похлопал того по плечу.

Возможно, слишком сильно, если судить по сдавленному «здрассте», что раздалось в ответ.

– Привет, красавица моя. Выглядишь чудесно.

Он сказал это еще до того, как посмотреть на Дилан, но даже когда их взгляды встретились, его улыбка не померкла. Дилан подумала, что сегодня ничто не способно стереть счастливое выражение с его лица. Не смущаясь тем фактом, что его дочь выглядит как огромная запеканка из лосося, он повернулся к тетушке Глэдис.

– Не откажите в любезности, позвольте проводить вас к вашему сиденью, Глэдис. Церемония вот-вот начнется.

– Ну что ж, – тетушка, похоже, решила сменить гнев на милость. – Хотя у кого-то в этом доме есть манеры!

Бросив на Тристана негодующий взгляд, она зашаркала прочь, всем телом опираясь на ходунки и отталкивая руку Джеймса, когда он пытался взять ее под локоть.

– Похоже, я ей не очень нравлюсь, – сообщил Тристан, когда старушка уже не смогла бы их расслышать. Для девяноста двух лет слух у нее был отменный.

– Ну... она думает, что я хорошо выгляжу, – драматичным шепотом отозвалась Дилан. – Так что ее оценке я бы не слишком доверяла.

Вот он, шанс Тристана подтвердить то, что она и так уже знала: что она выглядит, как увеличенная версия гиперактивной пятилетки. И ей придется пойти и встать на виду у сотни людей... в таком виде.

– Я думаю, ты выглядишь... – Тристан снова оглядел ее с головы до ног, явно пытаясь отыскать хоть что-то, что можно было бы похвалить. У него не получилось. – Ну, у тебя очень красивые глаза.

– Отлично, – огрызнулась Дилан, чувствуя, как ее очень красивые глаза наполняются слезами.

Только не хватало разрыдаться.

– Ты не против, если я просто залезу в бумажный пакет, а?

– Тебе понадобится очень большой пакет, – задумчиво проговорил Тристан.

На секунду Дилан ушам своим не поверила. Она в возмущении уставилась на Тристана. А потом расхохоталась.

А потом стукнула его по руке.

– Спасибо за комплимент, – в притворной ярости сказала она.

– К вашим услугам, – ухмыльнулся Тристан, а потом, резко посерьезнев, взял ее за левую руку. – Честно, я думаю, что ты выглядишь прекрасно, что бы ни надела. Даже бумажный пакет. Но позволь напомнить, что сегодня праздник твоей матери, а не твой. Все будут смотреть на нее. Обещаю.

– Ага, – Дилан с сомнением посмотрела на него. – Я запросто сольюсь с фоном.

Ярко-персиковый наряд словно кричал: «Заметьте меня, заметьте!»

– Может, если мне повезет, обои или занавески будут того же цвета. Встану рядышком – и исчезну.

– Вот и отлично, – заулыбался Тристан и склонился, чтобы легонько поцеловать ее в лоб.

В эту секунду дверь напротив комнаты Дилан распахнулась, и из нее, пятась, появилась тетушка Рейчел. Сначала в коридор выплыла ее пышная задняя часть: тетя склонилась, поправляя что-то. Вскоре она отступила в сторону, и показалась Джоан. Дилан ахнула. Обычно Джоан ходила в открахмаленной темно-синей медсестринской форме, а дома надевала удобную одежду (чаще всего какие-нибудь уродливые шерстяные кардиганы).

Но сегодня она преобразилась.

Высокие каблуки сделали ее на десяток сантиметров выше. Стройную фигуру обнимало шелковистое кремовое платье, обволакивающее ее от декольте до колен. Единственная тонкая лямка обнимала шею и сзади встречалась с изысканным, усыпанным мелким жемчугом, кружевом спинки.

В руках она сжимала утонченный букет из роз, окаймленных пятнышками милых белых цветочков.

– Мапочка! – Дилан прижала руку ко рту и почувствовала, к своему удивлению, что на глаза опять накатывают слезы.

– Нет, нет, даже не думай! – Джоан указала на нее пальцем с перламутровым маникюром. – А то я сама расплачусь!

Однако было уже поздно. Джоан схватила протянутый тетушкой Рейчел носовой платок и в панике принялась промакивать глаза.

– Сегодня слезам тут не место, – прокомментировала тетушка.

Ее собственные глаза остались сухими, а губы сжались в ниточку.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Джоан. – Помню, что в день собственной свадьбы ты заперлась на час в ванной и рыдала как умалишенная, потому что тебе не нравилась твоя прическа.

Тетя Рейчел открыла было рот (глаза ее загорелись яростным огнем), но слов за этим не последовало. Ну и отлично. Дилан уже привыкла к стычкам, которые то и дело возникали между сестрами и порой перерастали в настоящие склоки. Однако этот обмен любезностями, похоже, успокоил Джоан: она шмыгнула носом, расправила спину и лучезарно улыбнулась Дилан.

– Ну что, мы готовы?

Дилан еще разок опустила взгляд на свой наряд и подумала, что никогда не будет готова, но, как сказал Тристан, сегодня был день Джоан. Не ее.

– А ты почему еще не в зале? – спросила тетя Рейчел Тристана.

Судя по ее резкому тону, колкость Джоан попала в цель.

– Рейчел, Тристан сопровождает мою дочь, – осадила ее Джоан.

За последние несколько месяцев она сильно потеплела к Тристану, но Дилан знала, что в данном случае она скорее хотела приструнить сестру, а не защитить ее бойфренда.

В тишине они спустились на лифте на первый этаж и, пройдя по сверкающему вестибюлю, очутились у входа в зал. Двойные двери были заперты; вокруг рамы

обвивался белый тюль; его концы бантами украшали дверные ручки. Гостей дожидался с иголочки одетый сотрудник гостиницы.

– Как раз вовремя, – улыбнулся он. – Приготовления вот-вот закончатся.

Джоан кивнула. Дилан заметила, как разгладился ее напряженно нахмуренный лоб, и выражение сменилось на радостную готовность. Ее мать словно помолодела на десяток лет. Предательские слезы опять выступили у Дилан на глазах. Она переложила цветы – уменьшенную копию букета Джоан – из одной руки в другую. Сейчас это произойдет, внезапно осознала она. Ее родители поженятся; впервые за всю жизнь у нее будет настоящая семья. Тристан положил теплую руку ей на спину. Видимо, хотел успокоить и приободрить, но вместо этого Дилан разволновалась еще больше. Ведь он тоже был с ней! Стоял совсем рядом.

Тетя Рейчел вздохнула, и Дилан наградила ее недружелюбным взглядом. Пусть только попробует сказать что-нибудь, что испортит для Джоан эту минуту... Однако выражение тетиного лица было задумчивым.

– Жаль, что отца нет с нами. Он бы хотел проводить тебя к алтарю, – тихо произнесла она.

На секунду грусть заволокла глаза Джоан, но она перевела взгляд на Дилан – и печаль исчезла.

– Ничего, – сказала она. – Меня проводит моя малышка. Больше мне никого не нужно.

Джоан и понятия не имела, что могла потерять Дилан. Джеймс кое-что знал, но хранил это от нее в тайне. Всю историю: смерть Дилан, трудную дорогу обратно к жизни и то, чего ей стоило удержаться в этом мире. Слова Джоан значили больше, чем она сама догадывалась. Дилан шмыгнула носом, сглатывая внезапный комок в горле.

– Спасибо, мам, – прохрипела она.

Джоан, улыбнувшись, махнула рукой.

– Давай в середку, юная леди. Будешь впереди.

Дилан развернулась, вставая перед закрытыми дверями, как раз когда раздались первые нотки свадебного марша.

Тристан стоял рядом, готовый скользнуть на свое место, когда подружки поведут Джоан к алтарю.

Внезапно Дилан охватило волнение. Она сделала глубокий вдох. Двери раскрывались, и гости, как один, поворачивались посмотреть на них. На нее, застывшую в проходе, облаченную в кричащую персиковую тафту. Ее ожидала сотня пар глаз и длинная, длинная дорога до алтаря.

– О боже, – прошептала она так, что услышал лишь Тристан. – Это же ад!

Глава 2

– Это ад, – Джек стоял у двери убежища, хмуро наблюдая за кружением призраков снаружи.

Кроваво-алое солнце сжигало небеса и бросало на его лицо зловещую бордовую тень. Глаза под нахмуренными бровями казались темными колодцами.

– Закрой дверь, – посоветовала Сюзанна, окидывая его виновато-озабоченным взглядом.

Вина и чувство ответственности не давали ей покоя с той самой поры (до чего же давно это было!), как они спрятались здесь.

– Не смотри на них.

Она присела на низкий, весь в буграх, диван в дальнем от двери углу. Однако это было не так уж и далеко: убежище представляло собой крохотную лачугу с каменными стенами, соломенной крышей и одной-единственной комнатой.

Никакой возможности уединиться; никакого места, где можно спрятаться от своего спутника. Этот диван был единственным крупным предметом мебели; помимо него сесть можно было только на шаткий кухонный стул. Когда Сюзанна с Джеком ссорились – а это было неизбежно, в таком-то тесном пространстве, – бежать было некуда. Один-единственный шаг за порог означал мучительную боль: призраки в ту же секунду вцепились бы в Сюзанну.

А Джека и вовсе ждала бы судьба хуже смерти.

Они проживали эту мучительную жизнь уже... Сюзанна потеряла счет дням с тех пор, как Инквизитор изгнал их обратно на пустошь. Настоящую пустошь, где земля горела кроваво-красным огнем и призраки охотились на любую глупую душу, что осмелилась ступить наружу.

На задней стене хижины красовались ряды аккуратных коротких черточек, выцарапанных в камне. Каждая черточка представляла собой день, прожитый Сюзанной и Джеком в их пустынной темнице. В последнее время она даже перестала их считать; на вид же было сложно сказать, сколько их прошло. Сюзанна перестала даже царапать новые.

– Джек, закрой дверь, – повторила она.

Джек поджал губы: он по-прежнему терпеть не мог, когда она командовала. Вместо этого он еще ближе подошел к выходу. На секунду сердце у Сюзанны остановилось: она подумала, что он и правда решится, шагнет наружу – и эта патовая ситуация разрешится. Однако он дождался, пока призраки, почуяв движение, зарычали и завизжали от восторга, а потом быстро отступил назад и пинком закрыл дверь.

– Не надо так, – упрекнула его она, когда он подошел и уселся рядом. – Ты только сильнее их разозлишь.

– А есть куда сильнее?

Шипение за окном подтвердило его слова.

– А так хоть есть чем заняться.

Сюзанна вздохнула. В этом и была проблема: они скучали. Есть и пить им было не нужно, однако рано или поздно придется выйти наружу. Просто чтобы не сойти с ума от безделья.

Сколько пройдет дней, прежде чем Джек по-настоящему шагнет за порог?

Сюзанна сделала глубокий вдох, готовясь заговорить, но Джек ее опередил.

– Я тут подумал... – сказал он, глядя в пол.

Сюзанна тут же захлопнула рот. Это было совсем не похоже на Джека: избегает ее взгляда, ведет себя так... нерешительно. Неуверенно.

– О чем? – спросила она, когда он вместо продолжения стал теревить шов футболки.

– Я думаю... – он на секунду задержал дыхание и затем выпалил: – Я думаю, нам нужно просто решиться – и все.

– Что? Ты имеешь в виду...

Он быстро взглянул на нее, и Сюзанна увидела в его глазах то, что он пытался скрыть. Страх. Страх боролся на его лице с решимостью – и проиграл. Хотя победа была близка.

– Мы не можем сидеть тут вечно.

– Можем, – возразила Сюзанна.

– Нет, не можем, – он поднял на нее разозленный взгляд, словно призывая поспорить. Она не стала. – Нужно просто решиться. Раз – и готово. А если не доберемся... – Он пожал плечами.

– Если не доберемся, ты станешь одним из них, – напомнила Сюзанна, кивая на маленькое окно, за которым все еще носились призраки.

– И ты тоже.

– Нет, – Сюзанна покачала головой. – Я не стану. Меня назначат куда-то еще, снарядят сопровождать другую душу. Причинить боль они мне могут, а вот убить – нет. Они не смогут превратить меня в подобного себе. А тебя могут.

Джек снова пожал плечами, словно пытаюсь отмахнуться от ее слов. Проигнорировать их. Потом он шмыгнул носом и повел челюстью. Сел ровнее. Деланая храбрость, уменьшавшаяся день ото дня в течение того времени, что они провели вместе, внезапно вернулась.

– Ну и что? Чему быть, того не миновать.

– Джек...

– По крайней мере, ты освободишься.

Сюзанна поморгала, уверенная, что ослышалась.

– Что?

– Ты освободишься, – повторил Джек.

Сюзанна чувствовала исходящее от него напряжение.

– Если я доберусь – что ж, отлично. А если нет, по крайней мере ты больше не будешь тут торчать. Так?

Сюзанна не знала, что на это ответить.

– Я не освобожусь, – медленно проговорила она. – Мне придется опять стать паромщицей.

– Но отсюда ты сбежишь.

– Да, – согласилась Сюзанна. – Отсюда я сбегу.

Из этой клетки, которая была их единственным надежным укрытием на этой адской пустоши. Сбежит от Джека и чувства вины, от которого у нее сводило внутренности каждый раз, когда она смотрела на своего спутника.

Но потом, глядя на призрака, ей придется каждый раз гадать, а не Джек ли это. Когда эта тварь будет пытаться закогтить ее и убить ее подопечную душу, Сюзанна не сможет не думать: а вдруг где-то внутри еще живет искра, которая когда-то была Джеком.

Она будет задаваться вопросом: мучается ли он? Обрекла ли она его на вечные муки? Возможно, ему даже понравится эта маленькая месть, с легкой усмешкой подумала она и тихо фыркнула.

– Что такое? – спросил Джек, наблюдавший за ней, склонив голову набок.

Ему не терпелось разделить ее веселье.

Ему шло такое выражение. От него он казался младше, дружелюбнее. Разглаживались жесткие злые морщины, так часто появлявшиеся у него на лице.

Сюзанна не могла в точности сказать, когда он начал смотреть на нее так, но мало-помалу, за мучительно долгие часы, дни и недели, что они провели вместе, Сюзанна с Джеком нашли способ мирно сосуществовать. Разговаривать – по-настоящему! – и даже смеяться, жить в своем особом ритме. Подружиться.

И это она потеряет, если Джека схватят призраки, прижмут его к земле и превратят в подобного себе. Она потеряет друга. А еще – что еще важнее – человека, который смотрел на нее и видел ее настоящую.

– Я представила тебя в виде призрака, – призналась она. – То-то бы ты за все отыгрался.

Джек широко улыбнулся, хотя Сюзанна знала: в этом не было ничего особо смешного.

– Я бы преследовал тебя через всю пустошь, – пообещал он. – У тебя бы появился свой личный призрак.

– Благодарю, – сухо отозвалась Сюзанна. – Очень любезно с твоей стороны.

Маленькая искорка веселья затухла. Они молча сидели на диване, наблюдая за тем, как багровело алое небо. Садилось солнце, приближалась ночь. Теперь шум снаружи станет громче. Призраков налетит столько, что они будут колотиться о стены убежища, толкаясь и дерясь за шанс подлететь поближе.

Сюзанна не понимала, почему призраки словно одержимы их домом: были на пустоши и другие убежища – но, наверно, это было одно из наказаний Инквизитора. Способ напомнить, что ждет их двоих, если они по глупости рискнут пуститься в путь.

– Ты правда хочешь пойти? – спросила Сюзанна, когда сумерки прорезал особенно душераздирающий вопль. – Хочешь встретиться с... – Она указала за окно. – С этим?

Джек долго не отвечал – и наконец вздохнул.

– Я не хочу тебя оставлять, – тихо сказал он. – Но больше я тут не могу. Не могу, правда.

– Когда?

Еще вздох. Он пожал плечами.

– Завтра?

– Завтра? – пискнула она.

– А если нет, то когда еще?

Она бросила на него взгляд искоса.

– И когда это ты стал таким мудрецом?

Джек приподнял уголок рта в сардонической полуулыбке. Снаружи шипение и рев начали сливаться в непрерывный рокот: прибывали все новые призраки.

– Зажжем огонь? – спросил Джек.

Не дожидаясь ответа, он поднялся и подошел к ближайшему окну. Они действовали по отработанному сценарию: Сюзанна склонилась над очагом и при помощи дара паромщицы – слава небесам, его она не потеряла! – разожгла маленькую горку дров, а Джек задернул занавески. Так призраки, тенями снующие за окном, хотя бы не смогут их увидеть.

Закончив дело, они вернулись на диван, и, как всегда, Джек улегся у стены, а Сюзанна свернулась калачиком на привычном месте перед ним. Он обнял ее, и они закрыли глаза.

В первые несколько раз им было чудовищно неловко, но так как, кроме дивана, мебели в хижине не было, одному приходилось бы лежать либо на подушках, либо на холодном каменном полу. Поначалу они проводили ночь за ночью, неподвижно застыв и изо всех сил пытаясь не касаться друг друга, пока наконец Джек не обнял Сюзанну, проворчав «я же не кусаюсь». Этот жест растопил остатки неловкости, и с тех пор они так и спали в обнимку. Не то чтобы сон был им нужен – Джек был мертвецом, а Сюзанна паромщицей, – но так легче было считать дни.

Следовать заведенному порядку.

Сюзанна так к этому привыкла, что без объятий Джека не могла расслабиться. Да, она была паромщицей, но от его прикосновений все равно почему-то чувствовала себя сильнее. Они давали чувство безопасности.

А еще почему-то, по дикому стечению обстоятельств или по злобной воле Инквизитора, со времени возвращения на пустошь Сюзанна стала видеть сны. Она не знала, как еще это назвать. Не то чтобы она спала, но воспоминания вцеплялись в нее, требуя внимания, и она была не в силах отвести взгляд, пока память не разжимала челюсть и не выплевывала ее обратно в относительный покой убежища.

– Хочешь поговорить? – прошептал Джек ей на ухо.

Она покачала головой, зная, что он почувствует ее движение, даже если не сможет разглядеть силуэт в призрачных отсветах огня.

– Нет, не поможет, – сказала она ему.

Он сочувственно сжал ее в объятиях. Сны от него скрыть не получилось: она то и дело просыпалась, то дрожа, то всхлипывая. А иногда и то, и другое.

– Может, сегодня обойдется, – предположил он.

– Может.

Однако она знала, что не обойдется. Их разговор и решение Джека еще звенели у нее в ушах; призраки убаюкивали ее своей жуткой колыбельной. Конечно, сны придут. Вопрос лишь в том, какое именно воспоминание придет вырвать ее из рук Джека и швырнуть на путь боли и страха.

Выдохнув сквозь онемевшие губы, она попыталась расслабить тело и закрыла глаза.

Завывал ветер, борясь с призраками за слух Сюзанны. У нее кружилась голова; она перестала понимать, где находится.

Однако она точно знала – где оказалась. И в каком моменте.

Да и как было не знать: эта сцена так часто разворачивалась перед ней в ее снах. Инквизитор отправляет их обратно. Обратно в ад пустоши.

Джек проорал свою первую реплику:

– Что это?

Она по-прежнему едва слышала его сквозь свист, кружение и крики, но теперь она знала все слова наизусть. Помнила их крепко.

– Почему она выглядит не так, как раньше?

Сюзанна всей душой мечтала остановить все это, остановить сон. Как мечтала и сотни раз до этого. Но каждый раз сон продолжался.

Настоящая пустошь поджидала ее, прожигая глаза тысячей оттенков красного. Жара колола кожу иголками, взметенный ветром песок царапался. Миллион крохотных укусов. Скалы вздымали из земли зазубренные вершины.

Это был лабиринт теней. Бесчисленные закоулки, где могли таиться поджидающие их призраки.

Слабым утешением служило то, что Сюзанна успела запомнить все засады. Знала, откуда ожидать нападения. К несчастью, предотвратить атаки она не могла: воспоминание разворачивалось перед ее беспомощным взглядом, как и всегда.

Сюзанна смотрела на Джека, и внутри у нее закипало чувство вины. Инквизитор назначил им тропу, по которой пройти было невозможно. Им не пересечь пустыню.

Это был смертельный приговор.

– Джек, – сказала Сюзанна, повернувшись к душе, которую увела слишком далеко от ее тропы. Слова уже готовы были сорваться с языка. Однако никогда раньше она не говорила их с такой пронзительной искренностью. – Прости меня. Я очень, очень, очень виновата.

– Что нам делать? – прокричал он.

Сюзанна развернулась к убежищу. В тот первый раз, убегая от призраков, она испытала огромный прилив благодарности, заметив хижину. Видимо, в душе Инквизитора еще было место милосердию: вот оно, убежище, метрах в ста от места, где они затаились, открытые всем превратностям пустоши. Дверь была открыта, словно их поджидали.

– Джек! – Сюзанна указала на дом трясущимся пальцем. – Смотри!

Она повернулась, чтобы улыбнуться ему, поделиться крохой надежды, которая загоралась в ее душе, и – как она уже знала – тут же расплатилась за секунду невнимательности. На ее руку приземлился призрак и вцепился в нее когтями, точно ястреб, вернувшийся на хозяйскую перчатку.

Однако рука Сюзанны была обнажена, и вместо прекрасной, изысканной хищной птицы на нее слетела клубящаяся масса тьмы, которая тут же начала терзать ее плоть бритвенно-острыми зубами.

– Помоги! Сними его! – Она крутилась и размахивала руками, пытаясь повернуться к Джеку боком, чтобы тот смог схватить призрака.

Наконец у нее получилось... но Джек при этой стоял неподвижно. Не стал ей помогать. Бросив на него быстрый взгляд и уже готовясь умолять дальше, она вдруг заметила на его лице... нерешительность.

Стоит ли ей помогать? Может, просто оставить ее призракам? Она-то его не пожалела. Она заслужила.

Мысли проносились по лицу Джека, такие явные, словно он проговаривал их вслух. Ужас уже давно не падал Сюзанне в душу тяжелым камнем. У нее не было времени умолять – да и смысла. Воспоминания все равно не изменить. Еще один призрак воспользовался ее невниманием и вцепился ей в волосы, выкручивая шею и полосуя когтями кожу на голове. Боль пронзила ей череп, и Сюзанна громко закричала. Еще одна волна боли прожгла ей бедро: другой призрак промчался мимо и стал кружиться, выжидая момент для атаки. Сюзанна закрыла глаза, на мгновение заставляя себя забыть призрака, что вцепился ей в голову, и другого, присосавшегося к руке. «Ты не умрешь, – напомнила она себе. – Они не могут тебя убить». Боль – это всего лишь боль, ничего больше.

Затем нечто массивное лишило ее равновесия, и она едва не упала на землю. Распахнув глаза, она увидела Джека. С мрачной решимостью он схватил ее за свободную руку.

– Я не могу их касаться, – взревел он, но его голос почти затерялся в какофонии свистов и воплей. – Нам надо бежать.

Она не могла бежать: двое призраков удерживали ее, а другие пытались добраться до ее ног, но Джек волочил ее за собой, упрямо не замечая пикирующих с небес призраков. У Сюзанны не оставалось выбора. Он тащил ее, чуть не нес на руках метр за метром, пока перед ними не встало убежище: одноэтажный каменный приют. Их оазис в этой пустыне.

Поддерживаемая Джеком, Сюзанна сумела отделаться от двух призраков. Правда, взамен ей достались глубокие окровавленные борозды на теле.

Они с Джеком ввалились внутрь через дверь.

Тишина. Благословенные спокойствие и тишина. Они лежали, задыхаясь, на прохладном камне пола. Сюзанна задержала взгляд на дверном проеме, уверяя себя, что, как всегда, призраки не смогут прорваться сквозь эту преграду. Потом она откинула голову назад, закрыла глаза и позволила себе разрыдаться. Всего немного. Всего одну секунду.

Она почувствовала рядом шевеление. Джек высвободился из-под нее и сел на полу.

– У тебя кровь, – заметил он.

Он был прав. Она чувствовала ссадину на бедре, и правое предплечье жгло и пульсировало, словно его пожевал бульдог (и это было недалеко от правды). Царапины на голове были неглубокими, но там много кровеносных сосудов, поэтому кровь текла сильно.

– Знаю, – вздохнула она. – Но это неважно. Заживет. Важно, что мы сюда добрались.

Усилием воли Сюзанна открыла глаза, смаргивая капельку крови, что упала с виска. Не обращая на нее внимания, она сосредоточилась на Джеке. Тот сидел, склонившись над ней, словно пытался защитить.

– Спасибо, – просипела она. Во рту у нее пересохло от страха и сухого воздуха пустоши. – Спасибо, что помог.

Джек никак не отреагировал на ее благодарность. Он отвернулся. Пожал плечами. Призраки толпились у открытой двери. Джек стал к ним присматриваться.

– И что мы теперь будем делать?

Сюзанна тоже смотрела на призраков. Их было не меньше сотни. И каждый был готов разорвать ее на клочки, а Джека утащить под землю и заставить примкнуть к своим рядам.

Сюзанна не знала, что ему ответить.

* * *

– Сюзанна! – тихо, но настойчиво звенел голос Джека у нее в ухе. – Сюзанна!

Он слегка встряхнул ее, и Сюзанна вздрогнула, приподняла голову и окинула комнату мутным взглядом.

– Что? – тупо спросила она. – Что происходит?

Вокруг царила тьма: огонь догорел. Если в ночном небе и был какой-то свет, его загораживала толпа призраков, которая, как всегда, изо всех сил старалась измучить их за долгие часы тьмы.

– Тебя трясло, – обеспокоенно ответил Джек. – Что, опять кошмары?

– Я же говорила, – ответила она на автомате. – Я никогда не сплю.

Джек тихо фыркнул, все еще держа ее в сильных руках. Ей правда была нужна поддержка.

– Называй как хочешь, а ты спала.

Сюзанна не могла с этим поспорить; отголоски ран, которые она получила в тот день, все еще беспокоили ее фантомной болью.

– Очень дурной сон? – пробормотал Джек.

– Про то... Когда мы только пришли сюда.

Ей не нужно было продолжать. Она знала, что воспоминания о тех первых ужасающих секундах, когда их безо всяких церемоний сбросили на эту, настоящую, пустошь, были еще живы в сознании Джека. Сюзанна-то по крайней мере приблизительно представляла себе, где они очутились и что происходило. Джек долго молчал.

– Тебе уже давно это не снилось.

Да. Поначалу этот кошмар приходил к ней каждую ночь. Тогда он сильно ее пугал, потому что она не понимала, почему видит его. Она была паромщицей; она никогда не спала и тем более не видела снов. Теперь же Сюзанна смирилась с тем, что воспоминания возвращаются к ней, – однако легче от этого не становилось.

Но Джек прав: мысли о тех жутких мгновениях в пустоши не посещали ее уже давно.

Догадаться, почему они вернулись, было несложно.

Джек прервал ход ее мыслей.

– Да, насчет завтра...

– А?

– Ты знаешь местность лучше меня. На что это будет похоже?

Сюзанна втянула воздух носом и медленно выдохнула.

– Я не путешествую по настоящей пустоши, – честно ответила она. – Никто из нас, проводников, ее не проходил. Мы подбираем душу и проводим ее по ее личной пустоши, а потом сразу переходим к следующей.

– То есть ты совсем ее не знаешь? – с трудом выдавил он. Жесткие нотки в голосе выдавали его подавленность.

Они многое пережили вместе – и дружба их ковалась медленно и мучительно, но Джек так и не научился сдерживаться, когда дела шли не так, как ему хотелось. Он хмурился, кричал, швырялся предметами. Злился. Вел себя отстраненно. Даже бывал жесток.

Сюзанна знала, почему он так сейчас разговаривает: он напуган и растерян. Однако ей от этого не легче.

– Нет, – терпеливо возразила она. – Немножко все-таки знаю. Я всегда могла увидеть настоящую пустошь. В любую секунду могла откинуть покров и увидеть ее, но никогда так не поступала за пределами убежища. Слишком опасно.

Джек издал разочарованный стон, и она продолжила:

– Думаю, это все равно что идти через пустошь ночью. Обычно призраки избегают солнечного света и держатся в тени. Поэтому атаковать днем они могут не всегда – разве что душа так ослабеет от отчаяния, что набегут темные тучи и закроют солнце.

Джек молча внимал ее словам. Сменив позу (у нее затекла спина), Сюзанна почувствовала, сколько напряжения было у него в мышцах. Он напуган, но старается скрывать это. Ну и зря: она тоже боялась.

– И что, ты путешествовала по пустоши ночью? – спросил он наконец.

– Тысячу раз.

– И?

– Ну... Это ужасно.

Не было никакого смысла ему врать.

– Если только мы не находились совсем рядом с убежищем, у души шансов не было почти никаких. Слишком много призраков. Ты вообще не можешь с ними сражаться, а я не могу сражаться с ними со всеми разом.

Она подумала пару секунд.

– Когда я переводила Майкла...

– Майкла?

– Ну, душу. До тебя. Так вот, когда я переводила его, то заметила нечто странное в призраках...

– Продолжай, – Джек слегка толкнул ее в плечо.

– Ну... Звучит дико, но, похоже, они работали сообща. Как команда, как стая. Когда пытались сбить меня с ног. Обычно они нападают вразнобой, поодиночке. Но с Майклом мне почти показалось, что они обдумали, как лучше действовать.

– И что в этом странного?

– То, что призраки не думают! – воскликнула Сюзанна. – Они – дикие существа. В них ничего не осталось от людей, которыми они были.

– Ты уверена?

– Да. Абсолютно. И именно поэтому происходившее трудно объяснить.

– Значит...

Она перестала чувствовать прикосновение руки Джека и представила, как он запустил пальцы в волосы и яростно дернул. Он часто так делал.

– Так ты говоришь, это невозможно.

Сюзанна кивнула. Было еще темно, но теперь, когда ее глаза привыкли к темноте, она подумала, что он наверняка может ее разглядеть.

– Должен быть какой-то способ! – настаивал Джек. – У Дилан же получилось – а ведь она была одна.

Плечи Сюзанны поникли. Ей ведь не слышалось обвинение в голосе Джека? Они редко говорили про Дилан и Тристана – а зачем? Но мысль о них витала в воздухе непрерывно. В конце концов, это те двое втянули их в нынешний кошмар.

Нет, подумала Сюзанна. Это меня они втянули.

К сожалению, у нее не было времени расспросить Дилан, как ей удалось пересечь истинную пустошь в полном одиночестве.

– Ну что ж. Я не Дилан, – тихо отозвалась она.

– Ага, совсем не Дилан, – рявкнул Джек, и Сюзанна осунулась еще сильнее.

На крошечном диване ей было некуда деться от него – и от истины в его словах. Особенно теперь, когда он прижал ее к себе.

– Ты же паромщица, – напомнил он. – Ты умеешь всякое такое, чего не может она.

Сюзанна моргнула в полном замешательстве.

– Это... это что, комплимент?

– Я бы на твоём месте к ним не привыкал, – мрачно ответил Джек, и она заулыбалась. – Я хотел сказать, – он снова сжал ее в объятиях. – Ты справишься.

– Ты имеешь в виду, мы справимся?

– Давай надеяться на лучшее.

Они долго лежали молча. Отдыхали. Ждали. В какой-то момент Джек встал, неловко перебрался через Сюзанну и отдернул шторы.

– Хочу посмотреть, как поднимется солнце, – сказал он, а потом лег обратно рядом с ней.

Небо мало-помалу, поначалу почти незаметно, начало светлеть. Призраков уже можно было отличить от неба: извивающиеся, колышущиеся сгустки черноты на фоне небес цвета жженой умбры, что постепенно загорелись оранжевым пламенем. Раскаленный уголек солнца поднялся над горизонтом.

Шум снаружи стихал: большинство призраков – но не все – исчезли, отправившись на поиски новых жертв. Безопаснее уже не станет.

Сюзанна села и, свесив ноги, переместилась на самый край дивана. Джек за ее спиной тоже сел, а потом встал, потягиваясь. Он не проделал свое обычное путешествие к двери, не стал ее открывать и высовывать голову наружу, дразня оставшихся призраков. Вместо этого он пересек комнату, подошел к маленькому окошку, но не слишком близко, чтобы призраки его не видели (они время от времени натывались на стены и крыши, словно переживали, что Джек с Сюзанной забудут об их существовании).

– Готова? – спросил Джек.

«Нет, – подумала Сюзанна. – Совсем, совсем не готова». Но это неважно: она никогда к этому не подготовится. На самом деле, было бы лучше, если бы они сразу попытались пересечь пустыню. Тогда она несла ответственность за Джека и чувствовала себя виноватой, но он еще был раздражительным, неуравновешенным засранцем. А теперь он стал ее другом. Даже больше. Она знала его так, как не знала никого раньше – даже Тристана. Он стал ей важен, и она знала, что тоже важна ему.

Теперь потерять его значило совсем не то, что раньше.

Она почувствовала в горле ком и поняла, что вот-вот расплачется.

– Все хорошо? – спросил Джек, увидев выражение на ее лице. – Тебе страшно?

– Нет, – она покачала головой и, икнув, рассмеялась. – Ну, то есть да, просто... – Она шагнула вперед и взяла Джека за руку. – Держись поближе, ладно? Я не собираюсь тебя терять.

Джек кивнул, на сей раз не ответив колкостью. Он сильно сжал ей пальцы.

– И когда мы выйдем наружу, – сказала Сюзанна, вспоминая все разы, когда оказывалась на пустоши после захода солнца, все случаи, когда вытягивала души с самого края пропасти, – не смотри на призраков. Притворись, что их не существует. Сражаться с ними ты не можешь, так что даже не пытайся. Просто... игнорируй их и сосредоточься на мне. На том, куда мы идем, или, если совсем сложно будет, смотри себе под ноги.

– А, то есть притворяться, что они как мой отчим, – сухо ответил Джек. – Да без проблем, я натренировался.

Сюзанна рассмеялась. Саркастичные шутки Джека снимали напряжение, от которого ей сводило спазмом плечи и ноги не слушались. Однако, быстро посерьезнев, она зашагала к двери. Джек тенью последовал за ней, все еще держа ее руку в своей. Сюзанна остановилась, положив пальцы на дверную ручку. На Джека она не оглядывалась.

– Клянусь, – прошептала она. – Клянусь, Джек, я выведу тебя отсюда.

И распахнула дверь.

Глава 3

– Тристан, ты скоро?

Настало время спросить прямо: никакие вздохи, пыхтения и кручения на стуле не помогли показать Тристану, что Дилан до смерти соскучилась.

– Э... ага.

Тристан, не отрывая взгляда от экрана, кликал мышкой, просматривая какой-то сайт. Щелк, щелк, щелк.

– Я серьезно. Думаю, миссис Ламберт выгонит нас из библиотеки. Даже уборщики уже разошлись! – Дилан подъехала к нему на стуле. – Что ты там вообще изучаешь?

Они сидели в библиотеке с самого обеда. Учитель истории забронировал для класса компьютеры на сдвоенный урок, чтобы студенты нашли материалы для проекта по работоторговле в Америке восемнадцатого века. Сейчас было почти пять, и Дилан не терпелось убежать подальше от странного запаха, что не выветривался из библиотеки, и удушающей атмосферы, которую создавала миссис Ламберт, самая недружелюбная в мире библиотекарша. Может, запах тоже исходил от нее.

А еще эти уродливые черные тучи, заволокшие небо в последние пятнадцать минут. Если не уйти прямо сейчас, по пути домой их наверняка вымочит ливень.

– Да так, новости, – пробормотал Тристан, переходя по очередной ссылке.

– Новости? Тристан, мы можем посмотреть новости и дома! Ну, знаешь, там, где есть диван, телевизор и холодильник... а вот мерзкого запаха как раз нет, – негодовала Дилан. – Можешь взять мой ноутбук. Или почитать со своего телефона. Или с папиного планшета.

– Извини, – голос у Тристана не выдавал ни капли сожалений. – Я уже почти закончил, честно.

Он повернулся с виноватой улыбкой. Загрузилась очередная страница. Дилан кисло улыбнулась в ответ. Затем ее взгляд остановился на заголовке, и...

– Это еще что за хрень?!

Изображение было страшно размытым. Дилан кое-как различила четыре копыта, но кроме них... просто какая-то груда из лохмотьев кожи, волос и мускулов. Ужасная гадость. Дилан отшатнулась и прочла заголовок.

НАПАДЕНИЕ НА ЛОШАДЬ

ФЕРМЕР В ПОЛНОМ ШОКЕ

– Ну что ж, это была лошадь, – ответил Тристан.

Дилан и сама догадалась по кричащему заголовку, однако на картинке смогла различить только копыта. Остальное – ноги, туловище, голова – сливалось в кровавое месиво.

– Что с ней случилось?

Наверно, можно было прочесть и самой, но Дилан не могла отвести взгляд от ужасающей картинки.

– В этом-то и дело. Никто не знает. Что-то на нее напало.

Сомнений не оставалось. И многозначительный тон Тристана, и то, какие слова он подобрал... Дилан посмотрела на него, потом снова на фотографию. «Нет, – подумала она. – Не может быть. Только не опять».

Но когти ледяного ужаса уже царапали ей внутренности.

– Где это произошло? – еле выдавила она.

– Вот тут, – Тристан перешел на уже загруженную вкладку с картой и указал на маленькую красную точку в центре. – Рядом с местечком под названием Килсит.

– Килсит?

Изморозь страха у Дилан в животе чуть подтаяла. Девушка глядела на карту, и паника отступала под напором логики. Килсит, небольшая деревушка рядом с Камбернолдом, располагалась вдали от железнодорожного туннеля, где произошла авария. И от Денни, где умер Джек. Дилан облегченно выдохнула.

– Значит, это не... ну, ты знаешь... – миссис Ламберт бы ее не услышала, и других посетителей в библиотеке не было, но все же Дилан не хотелось произносить это слово. – Так ведь? Там слишком далеко – от обеих дыр.

И, в любом случае, они же закрыли оба прорыва. Призракам было не пробраться сквозь завесу, отделявшую мир живых от пустоши.

– Ты права, – негромко отозвался Тристан.

Он закрыл вкладку с картой, и на экране снова появился труп несчастной лошади.

– Наверно, это дикий зверь... или стая собак. В мире полно придурков, которые натаскивают питбулей, мастифов, всяких таких псов... Это гораздо вероятнее, Тристан, правда, – настаивала Дилан.

Хотя тот и кивал на ее слова, выражение его лица говорило, что он не верит в ее теорию.

– Ладно, пойдем, – сказала она.

Ей хотелось сбежать от фотографии, от этих жалких останков. Дилан затошнило: она представила, как напугана была лошадь, как паниковала, как пыталась спрятаться...

– Ну пожалуйста, – запросила она. – Уже поздно.

На этот раз Тристан не стал спорить и быстро закрыл страницы. Он молчал, когда они выходили из библиотеки; молчал, пока шли пустыми школьными коридорами; молчал, когда оказались в вестибюле. Свет в администрации не горел. Здание казалось зловеще пустым.

Тристан заговорил лишь тогда, когда они спустились с крыльца и остановились под навесом, наблюдая за тем, как тяжелые капли дождя одна за другой срываются со свинцового неба.

Он повернулся к Дилан с озорной улыбкой.

– Упс, прости, – только и сказал Тристан.

Дорога тянулась целую вечность. Дождь не переставал, и хотя было только полшестого, когда они добрались домой, совсем стемнело. Впрочем, домой – это не вполне верное слово. У Дилан в окне торчала огромная уродливая вывеска «ПРОДАЕТСЯ». Джеймс настоял, что семье нужен новый дом – настоящий дом, не квартира. А пока покупатель не нашелся, они каждый день взбирались по лестнице в свою арендованную квартиру и проходили через пролет, где Тристан когда-то упал замертво, истекая кровью от ран, которые открывались всякий раз, как они с Дилан отходили друг от друга на приличное расстояние. Хотя их с Тристаном кровь уже давно отскребли с пола, Дилан каждый раз вздрагивала, проходя по лестничной клетке. Воспоминания были одной из причин, почему ей не терпелось съехать.

Когда они зашли внутрь, родителей не было дома. Дилан не удивилась: хотя они поженились, все равно часто ходили на свидания то в кино, то на концерт, то на ужин, то пропустить по стаканчику пива в Уэст-Энде. Дилан совершенно не волновалась: она была в восторге, что родители веселятся вместе и что они с Тристаном могут проводить время наедине. Прямо как сейчас.

– Ну вот, теперь всю одежду менять придется! – жалобно протянула она, стягивая куртку. – Я вся насквозь промокла.

– Прости, – сочувственно отозвался Тристан.

Его куртка была поновее и справилась с потоками ливня куда лучше, но Дилан заметила темные пятна на его форменных брюках. Он сбросил ботинки и коварно ей улыбнулся:

– Обещаю загладить вину.

И он вразвалку направился к ней в спальню.

Дилан пару секунд смотрела ему вслед, но когда из открытой двери донеслись звуки музыки, она пришла в себя и принялась яростно стягивать сапоги. Они не поддавались, и в итоге пришлось снять их вместе с носками. Дилан оставила их на полу и босиком помчалась в комнату.

Тристан уже примостился на кровати. Увидев, что он держит в руках, Дилан остановилась как вкопанная. Пухлый блокнот с синей обложкой, украшенной затейливым черным узором. Его альбом для рисования, куда он ни разу не позволял ей даже заглянуть.

Дилан чуть с ума не сходила от любопытства, когда он забивался в угол с альбомом в руках, но он стеснялся показывать ей рисунки, а она, несмотря на многочисленные (и очень соблазнительные!) возможности, никогда не брала блокнот без его разрешения. Ей очень, очень хотелось, но она сдерживалась. Раньше у Тристана не было ничего своего; ни угла, ни личных вещей. Этот альбом стал первым подарком Дилан Тристану: мелочь, зато от всей души.

До чего же ей хотелось посмотреть! Блокнот обычно лежал на верхней полке книжного шкафа – Дилан отдала эту полку Тристану, потому что не могла до нее дотянуться без стремянки. Изрисованные листы манили ее с каждым днем все сильнее. Искушали, соблазняли.

Тристан лишь недавно открыл для себя рисование. Дилан не ходила на ИЗО в школе: у нее совершенно не было таланта ни к карандашам, ни к кисти. Как только обязательный курс изобразительных искусств закончился, она оставила это дело. Однако Тристан, наоборот, заинтересовался, и Дилан на Рождество подарила ему все необходимое. Казалось, он был прирожденным художником... впрочем, Дилан ни разу не видела его рисунков и понятия не имела, хорошо ли у него получалось. Но процесс ему нравился, а ведь это было главным.

Любопытство продолжало ее пожирать.

Он постучал пальцами по спирали переплета и протянул ей альбом.

– Держи. Возмещение морального ущерба.

– Правда? – Дилан в притворном изумлении приподняла брови, хотя и правда была удивлена. – Мне можно посмотреть?

– Да.

Прежде, чем он успел бы передумать, Дилан присела рядом на кровать, не замечая, как холодит ей кожу промокшая одежда. Она осторожно перевернула первую страницу.

На нее уставилось ее собственное лицо. Широко распахнутые глаза сияли из-под широких бровей. Губы изогнулись в дразнящей, загадочной полуулыбке. Она была такой... прелестной. На рисунке.

Подняв глаза, она увидела, что Тристан пристально наблюдает за ней. Под его внимательным взглядом сложно было сохранять спокойствие, но она старалась изо всех сил, стирая смущение со своего лица и усилием воли убирая румянец со щек. Непослушными пальцами она перелистнула страницу. Следующий набросок был сделан углем: она в профиль, уставилась на что-то за пределами листа. Ее волосы развеваются за спиной длинными роскошными волнами.

Следующая страница. Следующий рисунок. Дилан в инвалидном кресле, на лице написаны нетерпение и подавленность: она пытается удобно расположить на подножке загипсованную ногу.

Линии коляски получились слегка кривыми, и перспектива Тристану тоже не удалась, но Дилан сразу распознала упрямое выражение на своем лице.

На следующем рисунке была не она сама, а ее родители на старом диване. Джоан смотрела прямо перед собой – возможно, в телевизор? – а Джеймс смотрел на Джоан. И выражение на его лице... То самое, которое Дилан видела тысячи раз до того, как поняла, что оно значит. Тоскующее, любящее. Надеющееся. Тристану оно удалось.

Следующее изображение даже нельзя было назвать рисунком: скорее, шесть грубых набросков...

– Это что, мое ухо? – Дилан в замешательстве склонила голову набок.

Конечно, само ухо она бы не узнала – уши ведь все похожи, не так ли, – но ей в глаза бросилась сережка в форме ромашки.

– Эмм... ага.

Тристан потянулся, чтобы забрать у нее блокнот, но Дилан повернулась, не давая ему выхватить страницы из рук.

– Подожди, я еще не закончила.

Она пролистала дальше. Вот она смеется. Глаза превратились в узкие щелочки, подбородок приподнят (ничего привлекательного!). Дилан улыбнулась. Рисунок словно искрился радостью.

– Тристан, ты прекрасно рисуешь, – тихо сказала она, поняв, что не прокомментировала ничего, кроме наброска с ушами. На месте Тристана она бы уже вся извелась, желая узнать, что же он думает о ее работах. – То есть правда прекрасно. Рисунки как живые.

Следующая страница была пуста, и она пролистала альбом обратно.

– Как это ты так точно схватываешь детали? Ты ведь все это видел не дольше пары секунд!

– Не знаю, – Тристан пожал плечами и снова потянулся к блокноту. На сей раз Дилан не стала возражать. – Просто увидел то, что мне понравилось, а потом набросал по памяти.

– Ты очень наблюдательный.

– Была возможность попрактиковаться, – напомнил он ей. – По ночам в пустоши делать особо нечего, только сиди и смотри.

– И правда, – тихо отозвалась Дилан.

Ей не нравилось думать о долгих годах, которые Тристан провел, переправляя душу за душой, в этом замкнутом кругу загробной жизни. Нет, сказала она себе, этот круг разомкнулся. Теперь Тристан тут, рядом. Он сбежал из той жизни.

Она смотрела, как он листает страницы в самое начало. С них снова смотрело ее лицо.

– Но почему теперь? – негромко спросила она. – Почему ты показываешь мне альбом сейчас?

Он снова пожал плечами.

– Да просто... – Он остановился на изображении Дилан в инвалидном кресле. – В пустоши мы были вдвоем. А здесь так много людей, столько всего отвлекает... – он закрыл блокнот и отложил его в сторону, фокусируя внимание на Дилан. – Я хочу, чтобы ты знала: я все еще вижу тебя. Эта жизнь, этот мир... все это прекрасно, но лишь потому, что я с тобой.

Дилан раскрыла рот, но слова не шли. Как ей отвечать на такое заявление? Она никогда не умела красиво говорить.

– Я люблю тебя, – выпалила она.

Тристан широко улыбнулся и, подняв руку, заткнул прядь вымокших волос ей за ухо.

– Я знаю. Я тоже тебя люблю.

И он поцеловал ее, прижавшись горячим ртом к губам Дилан. Тристан сжал ее в руках, и мокрая ткань их одежды соединилась. Дилан закрыла глаза и позволила себе раствориться в его объятиях. Трагедия с лошадью была просто несчастным случаем. О ней нужно забыть.

Они в безопасности. Они вдвоем. Ничто не в силах это изменить.

Глава 4

Тристан смотрел в потолок. Рядом с ним, тепло посапывая ему в плечо, спала Дилан. Он слегка повернулся, стараясь устроиться поудобнее, не разбудив ее. Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Может, если он станет дышать с Дилан в такт, то получится заснуть.

Не получилось.

Одни и те же мысли кружились у него в голове, и он не мог прогнать образ растерзанного, измученного трупа лошади. Он представил животное, каким оно было изначально: лоснящиеся каштановые бока, ни единого пятнышка... Лошадь бесцельно бродит по полю, обкусывая высокую траву. Напасть на нее было бы для призрака проще простого.

Но Дилан права: этого не могло случиться. В завесе не было ни единого разрыва... Да и неужто призрак бы не польстился на людные города и пролетел мимо, чтобы полакомиться животным? Это было бы очень нелогично.

И все же что-то внутри подтачивало его спокойствие, не давая заснуть.

Оставив бесплодные попытки, он поднялся с кровати (осторожно, чтобы не потревожить Дилан) и, натянув футболку, вышел в коридор. Дверь в спальню родителей Дилан была закрыта, и он на цыпочках прошел мимо в гостиную. Схватив пульт с кофейного столика, уселся на высокую гору одеял, где, как предполагалось, он проводил ночи.

Если верить Джеймсу, то после переезда у Тристана появится собственная комната. Пока же он официально ночевал на диване. Тристан был почти уверен, что Джеймсу известно, где он спит, но отец Дилан ничего не говорил, и потому Тристан продолжал разыгрывать спектакль. Он дожидался, пока в квартире все стихнет, и лишь потом крался в комнату Дилан.

Сейчас он включил телевизор и убавил громкость, пока музыку из рекламы не стало едва слышно. Щурясь на внезапный поток света с экрана, он прокрутил электронное меню, пока не нашел канал с круглосуточными новостями. Тогда он прибавил звук. Ведущий хорошо поставленным голосом задавал вопросы гостю. Какому-то писателю, что отчаянно пытался разрекламировать свой последний роман. Тристану пришлось пережить новости спорта и прогноз погоды (опять дождь) прежде, чем ведущий перешел к заголовкам.

Ничего.

Ни убийств, ни насилия или необъяснимых смертей в центральной части Шотландии. Да что там: к северу от границы, похоже, вообще ничего не

происходило. Главные новости касались землетрясения в Южной Америке и футболиста, которого арестовали за вождение в нетрезвом виде.

Не в силах отделаться от чувства, будто что-то идет не так, Тристан схватил планшет Джеймса там, где тот лежал, опасно балансируя на подлокотнике дивана. Он пробежался по сайтам с новостями, даже заглянул на странички местных газет, думая, что на них может оказаться что-нибудь, что показалось бы незначительным для больших новостных агентств.

Ничего.

Тристан выдохнул, избавляясь от напряжения, мешавшего заснуть.

Однако облегчение было временным. Если лошадь убил призрак – или даже небольшая группа призраков, – теперь они сыты. Ленивы. Может, не появятся на виду еще несколько дней.

Ему придется быть начеку, следить за всем, что покажется хоть немного подозрительным. Такова была сделка с Инквизитором, которая позволила им с Диланом остаться вместе в мире живых. Он рисковал слишком многим. Если еще хоть раз встретится с Инквизитором, их встреча окажется последней. В самом лучшем случае его вернут на пустошь и он снова займется своими обязанностями.

А если это произойдет, Дилан умрет.

– Не спится?

Глубокий, грубоватый голос звучал тихо, словно его обладатель не хотел спугнуть Тристана. Однако Тристан все равно подпрыгнул от неожиданности. Обернувшись на диване, он увидел в дверях Джеймса.

– Нет, я... – Тристан робко улыбнулся, совсем убирая звук на телевизоре. – Простите, я не думал, что разбужу кого-нибудь.

– А ты и не разбудил, – отмахнулся от извинений Джеймс. – Я шел в туалет и увидел свет, – в темноте блеснули его зубы, отражая свет экрана. – На новом

месте ванная должна примыкать к спальне.

– Хорошая идея, – согласился Тристан.

– Да и спать на кровати удобнее, чем на этом бугристом диване.

По тону Джеймса было понятно: он отлично знал, что Тристан не сражается каждую ночь с неровными подушками и старыми пружинами повидавшего виды дивана. Или, во всяком случае, сражается не дольше получаса.

Тристан кивнул, изо всех сил стараясь принять самый невинный вид. Внезапно лицо мужчины постарше посерьезнело.

– Тебя что-то тревожит, сынок?

Вот она: возможность поделиться своими сомнениями. Но было тут и другое. Джеймс предлагал ему шанс улучшить отношения, сделать их лучшими, чем неловкие диалоги отца с бойфрендом дочери, который причиняет некоторое неудобство.

Секунду Тристан размышлял. Джеймсу были известны некоторые детали того, через что прошли они с Дилан; он понимал кое-что о другом мире. Тристан подумал, каким облегчением будет поделиться ношей с кем-то еще. Но мысль эта не успела прижиться: он тут же выкорчевал ее из своего сознания. Джеймс знал совсем мало. Они с Дилан утаивали от него многое с тех самых пор, как он впервые обнаружил между ними мистическую связь: чем больше будет известно отцу, тем серьезнее будет опасность, что грозит ему от Инквизитора.

Нет, эту ношу Тристан должен нести один. Если и придется с кем-то ее разделить, то это будет только Дилан.

– Да нет, – сказал он. – Просто... просто думаю.

– Ну ладно, – вид у Джеймса был разочарованный, и Тристан мог поклясться, что тот ему не верит, но отец Дилан не стал настаивать. – Но ты все-таки попытайся заснуть, хорошо? Утром тебе в школу.

– Да, сэр, – ответил Тристан.

Он выключил телевизор и сделал вид, что ложится обратно на одеяла.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Тристан.

Джеймс скрылся в коридоре, и минуту спустя Тристан услышал слив туалета и тихие звуки двери: Джеймс вернулся в комнату, которую делил с Джоан.

Гораздо позже Тристан прокрался обратно к Дилан, все еще мучимый мыслями о призраках.

Глава 5

– Не смотри.

– Я не смотрю.

– Я знаю, просто... – Сюзанна сжала руку Джека. – Не смотри.

С ее лба стекал пот, а одежда липла к коже. Жара стояла беспощадная; ни единый порыв ветерка не тревожил горячего воздуха. Сюзанна, однако, знала, что это хорошо. Незадолго до этого ветер свистел и выл, подхватывая крошечные песчинки и швыряя ими в них с Джеком. Песок царапал кожу и забивался в рот и глаза.

Хотя, по правде говоря, с зажмуренными глазами было легче не замечать призраков.

«Судя по положению солнца, – подумала Сюзанна, – сейчас полдень». Она надеялась, что после станет прохладнее, но земля все утро впитывала жар, и как знать... Может, теперь песок начнет отдавать тепло, и пекло станет еще

невыносимее.

Им негде спрятаться от солнца. Вокруг не было ничего, кроме сухой потрескавшейся земли холмов, заслонявших тропу вдали, да грубых зазубренных валунов, странным образом не дававших тень. В «нормальной» пустоши, к какой привыкла Сюзанна, тени представляли опасность: там могли таиться призраки. Здесь же зловещее красное солнце, наоборот, придавало им сил – и ослабляло Сюзанну с Джеком, лишая их любой надежды на прохладу.

– Мне нужна вода, – прохрипел Джек.

– Нет, не нужна, – напомнила ему Сюзанна. – Ты мертв. Твоей душе больше не нужно ни еды, ни воды.

– Ну ладно, – жалобно отозвался он. – Я хочу воды. Так лучше?

Его дыхание становилось все более прерывистым; он шумно втягивал воздух, поднимаясь на холмы. Их склоны становились все круче, и мускулы в ногах Сюзанны сводило спазмом от напряжения.

– Черт, – сипел Джек. – Мне в жизни не было так жарко.

– Постарайся напоминать себе, что это не по-настоящему.

– Чего?

– Это иллюзия. Твоя кожа не обгорает. Ты не хочешь пить. И, пусть тебе и кажется, что ты перегрелся, солнце тебя не убьет, – она беззвучно рассмеялась. – В пустоши не случается тепловых ударов.

– А по ощущениям случаются. Я будто вот-вот умру.

«Мертвые не умирают», – подумала Сюзанна, но решила не говорить очевидного.

– Не умрешь, – сказала она. – Просто сосредоточься на этом и шагай. Левой, правой, левой, правой. И не смотри на призраков!

Последнюю фразу она добавила, потому что заметила краем глаза, как правая рука Джека все крепче сжимается в кулак. Ему хотелось схватить или ударить какого-то из призраков, что кружили у них над головами.

– Я... пытаюсь... – проскрипел он зубами. – Но это же инстинкт. Они как осы. Хочется схватить газету и вмазать им посильнее!

– У тебя не получится. Дашь понять, что заметил их,отреагируешь как-нибудь, посмотришь на них – и ты пропал. А если не обращать внимания, то они именно что как осы. Безобидные.

– Тебя, видимо, никогда не жалила оса, – тихо пробормотал Джек.

Последнее слово, как всегда, должно было остаться за ним.

Но Сюзанне было так же жарко, как и ему, и ее это бесило. Она была не в настроении уступать.

– Может, и не жалила, – огрызнулась она. – Зато призраки на меня нападали столько раз, что и сосчитать нельзя. Приятного мало. Так что игнорируй их.

Джек промолчал. Но затем пробормотал так тихо, что Сюзанна подумала, будто ей показалось:

– Извини.

Она протянула руку и сжала ему пальцы. Потом отпустила. Она все понимала.

Прошло несколько долгих минут, и они очутились на вершине холма. Склон с этой стороны был куда круче, и Сюзанна поморщилась, увидев гальку. Всю дорогу вниз они будут скользить, спотыкаться и падать. Просто отлично.

Внезапно призрак, круживший ниже по склону, направился прямо к ним. Сюзанна резко зажмурилась, опасаясь, что не сможет не следить за ним взглядом. Она почувствовала легкое колыхание воздуха – а еще что-то острое задело ей щеку, совсем несильно, – и призрак пролетел мимо. Скорее всего, присоединится к небольшой тучке соратников, которые следовали за ними все

утро.

«Ну и ладно, – саркастично подумала Сюзанна. – Чем больше, тем веселее».

– И что, вот так можно спастись? – спросил Джек.

Сюзанна удивленно повернулась и посмотрела на него. Его серые глаза вопросительно смотрели ей в лицо. Что это она в них заметила? Сочувствие?

– Что ты имеешь в виду?

– Когда призраки ранят тебя, ты так от них спасаешься? Говоришь себе, что это не по-настоящему?

Призрак промчался между ними, словно дразня: кто-то из них должен был выдать свой интерес, однако Сюзанна не могла оторвать глаз от Джека, а он смотрел на нее в упор, ожидая ответа.

– Да, – сказала она, не найдя причины скрывать от него правду. – Это больно, но умереть я не могу. Рано или поздно это закончится; мне просто нужно продолжать дышать, – она снова посмотрела на склон перед ними, не в силах выдержать его пристальный взгляд. – Именно это я себе и говорю. Повторяю раз за разом.

– И что, помогает?

Сюзанна мрачно усмехнулась. Джек отлично умел задавать нужные вопросы.

– Нет, – сказала она. – Не помогает.

Она ждала от него какой-нибудь колкости по поводу своего совета – теперь ведь она сама призналась, что толку от него было мало, но он промолчал и вздохнул.

– Вниз идти будет хреново, да?

Сюзанну потянуло на хохот. Джек попал в яблочко. Но было совсем не весело. Им придется и впрямь хреново.

– Ага, – согласилась она.

Джек снова вздохнул.

– Ну ладно. Пошли.

Таков уж был Джек. Заставлял себя, заставлял других. Не сдавался. Но она-то знала, как он устал: и душевно, и физически. Не меньше ее самой. А это верный путь к ошибкам.

К ошибкам, которые могут его убить.

– погоди, – она протянула руку и остановила его. – Давай передохнем.

– Передохнем? – резко рассмеялся Джек. – А корзинку для пикника ты не забыла?

– Забыла, – с преувеличенным спокойствием ответила Сюзанна. – Но нам нужно расслабиться хотя бы на пять минут. Не следить за каждым своим шагом. Я думаю, это пойдет нам на пользу.

Все еще держа его за руку, она заставила его опуститься на колени и сама опустилась лицом к нему. Склонившись ближе, она уткнулась лицом ему в шею и закрыла глаза. Прошла секунда. Джек, уступив, тоже склонил голову ей на плечо.

– Ну вот, – тихо сказала она. – Теперь, даже открыв глаза, ты ничего не увидишь. Можешь расслабиться. Всего минутку. Они еще будут кружить, но ничего не сделают.

Она усилием воли расслабила мышцы и потянулась, стараясь убрать напряжение из плеч. Ей было неудобно стоять коленями на твердой земле; крохотные камешки впивались ей в ноги. Однако теперь ей не приходилось ежесекундно следить за своим взглядом, и это было блаженством.

– Как Дилан справилась в одиночку? – спросил Джек после долгой паузы.

– Честно говоря, не знаю. Наверно... – Она подумала о связи, которую видела между Тристаном и Дилан; о любви, которая не давала им сгинуть. – Думаю, у нее была серьезная причина не сдаваться.

– Ну, у меня тоже есть серьезная причина. Очень уж не хочется умирать. Думаю, это должно помочь.

Сюзанна не стала спорить. Она знала, что он имеет в виду. Стать призраком значило умереть как личность; тело тут было ни при чем. И в миллионный раз ее охватило чувство вины. Пересечь пустошь Джека в первый раз было бы легче легкого по сравнению с их нынешним путешествием.

– Джек...

– Если ты опять собираешься извиняться, то лучше помолчи.

Сюзанна потрясенно втянула воздух. Боль ударила ее в низ живота, словно призрак, стремящийся пролететь сквозь нее. Забыв обо всем, она бездумно хотела отшатнуться, но Джек бережно, но крепко держал ее за затылок.

– Я сам согласился, – все тем же хриловатым резким голосом сказал он. – Я тоже виноват, так что хватит себя казнить. Просто... – Он замолчал и прижал ее к себе, превращая захват в объятия. – Пообещай, что выведешь меня отсюда.

Этого она сделать не могла. Особенно здесь, в раскаленной пустыне, где призраки вволю могут их терзать. Особенно сейчас, когда им предстояли долгие дни пути. Она не могла ничего пообещать. Но все равно пообещала.

– Я обещаю, Джек. Я тебя выведу. Клянусь.

Они оставались на месте дольше, чем следовало. Сюзанна это понимала, но не могла заставить себя сдвинуться, а Джек и не пытался. Они все утро боролись за каждый шаг. Каждая секунда требовала от них максимальной концентрации: глаза в землю или прямо перед собой, смотреть вдаль и не следить за призраками, совсем не обращать на них внимания, даже на миг, хотя те делали

все, чтобы привлечь к себе внимание.

Сюзанна не понимала, в чем тут дело. Почему призраки нападали лишь тогда, когда их замечали, – но какая разница. Она была лишь благодарна за эту зыбкую возможность провести Джека сквозь пустошь невредимым.

Одно-единственное утро полностью истощило их силы. Сюзанна понятия не имела, как им выдержать целый день, а потом еще много, много таких же дней. Ей не хватало воли даже поднять голову. Дыхание Джека согревало ей плечо; крепкие объятия успокаивали. Как было оторваться от него? Еще минутку, обещала себе. Одну минутку – и все.

Наконец нежелание двигаться уступило место инстинктивной панике. Она до жути боялась остаться снаружи после наступления темноты.

– Ну ладно, пойдем, – она сделала глубокий вдох. – Ты готов?

– Нет, – пробормотал Джек ей в плечо. – Но ты права. Пойдем.

Они неловко поднялись на ноги, все еще лицом друг к другу. Насчет Джека Сюзанна не знала, но сама держала глаза закрытыми. Все, что угодно, лишь бы не терять драгоценные секунды, когда не надо контролировать каждый свой взгляд.

– Сюзанна, – сказал Джек наконец.

Она открыла глаза. Лицо Джека было так близко, что ни один призрак не смог бы протиснуться между ними и завладеть их вниманием. Она заглянула Джеку в глаза и почувствовала себя сильнее. В прищуренном взгляде цвета серой стали она увидела готовность к битве. По праву паромщицы она была знакома со всеми его воспоминаниями и знала, что он сражался каждый день своей юности и сейчас был готов к новой схватке. Но ему нужно было, чтобы она повела его в бой.

– Хорошо, – она почувствовала, что в ней тоже зреет решимость. – Начали.

Путь вниз был именно таким, как подозревала Сюзанна. Ей было легче расфокусировать взгляд, чтобы не замечать валунов, о которые вот-вот споткнешься, ручейков из гальки, готовых заскользить под ее ногой. Всякий раз, теряя почву под ногами (она дважды приземлялась на спину), Сюзанна изо всех сил старалась не сосредоточиваться ни на чем, не оглядываться, не искать ничего, что помогло бы ей встать на ноги и вернуть равновесие. В такие мгновения она закрывала глаза и ждала прикосновения руки, которая ей поможет.

Потом они менялись ролями, и вот уже она помогала Джеку. Потому что был лишь один способ перейти пустошь: пройти ее вместе.

Глава 6

– Стивен! Стивен, я не могу идти быстрее!

Душа была напугана. Проводник это знал, но ничем не мог помочь. Он сосредоточил усилия на том, чтобы тянуть ее дальше. Ее ноги – она проклинала их каждый день своей земной жизни, потому что они не могли ни бежать, ни прыгать, ни танцевать, – на пустоши работали как положено. Проблема была не в них, а в ее разуме. У нее не было времени приспособиться.

И если он не доведет ее до убежища, то времени у нее больше и не будет.

– Еще немного, – уговаривал он.

– Стивен, я не могу!

На самом деле его не звали Стивеном, но одно имя было ничем не лучше другого, и он знал, что душам спокойнее, когда они могут как-то его называть. Ему-то это все было безразлично.

– Мы почти дошли, – настаивал он. – Давай, побежали. У тебя получится, обещаю.

В ответ она лишь разрыдалась.

Проводник скрипнул зубами. Ему нравилась эта душа, и он хотел, чтобы у нее получилось. Она это заслужила. Это все он виноват. Сегодня утром он был слишком покладист; позволил ей останавливаться чаще, чем нужно, и шел неспешно, чтобы она приноровилась к ландшафту пустоши. И к тому, что теперь может ходить без костылей.

Она не будет расплачиваться за его ошибки.

– Ладно, погоди.

Отпустив ее ладонь, он схватил ее за предплечье и, согнувшись, прижался ей к боку. Потом поднялся, принимая на себя ее вес. Приноровившись к ноше, он пустился бегом.

Это было нелегко. Душа почти ничего не весила, но нести ее было неудобно. Она загораживала ему вид влево, и приходилось удерживать ее обеими руками. Солнце уже почти опустилось за горизонт. Нестройный хор воплей и рыка, эхом разносившийся по долине между холмами, сказал ему, что призраки были готовы. Что они ждут.

И все же до убежища оставалось совсем недалеко. Всего немного пройти по болотистой низине, потом взобраться на взгорье перед следующим холмом. С каждым шагом влажный ил цеплялся ему за ноги все крепче, но он не сбавлял скорость. Почти дошли.

Солнце скрылось из вида.

Не сказать, чтобы свет совсем исчез, но свист и крики стали громче: призраки вырвались на волю. Осмелившись оглянуться по сторонам, проводник увидел, как они несутся к нему со всех сторон. Некоторые – те, что поумнее, – парили над убежищем, которое уже совсем четко вставало перед взором. Так близко.

Так. Близко.

Он побежал быстрее, хотя и знал, что не успеет добраться до дома прежде, чем первый призрак накинется на них. Ему придется побороться. Ничего страшного. Проводник вполне мог справиться с призраком. С одним так точно.

– Что это за твари?

Анна, его душа, явно заметила призраков: он почувствовал, как она застыла у него за спиной. От этой внезапной перемены он потерял равновесие и чуть не упал в болотную грязь.

– Все в порядке.

Он схватил ее крепче.

Однако слова не помогли. Она начала ерзать и дергаться, видимо, пытаясь разглядеть преследователей. Он не мог ее винить: зрелище и впрямь леденило кровь.

– Стивен, кто это такие?

– Призраки, – тяжело выдохнул он.

Убежище было совсем близко, но призраки были ближе. Решив, что сделал все, что смог, Стивен опустил Анну обратно на землю. Ее ноги с хлюпаньем увязли в жиже.

– Там ты будешь в безопасности, – сказал он, указывая на убежище. – Беги.

Анна застыла на месте, словно от поездки на спине Стивена у нее закружилась голова. Однако времени медлить у них не было. Проводник схватил ее за плечи, повернул в правильном направлении и пихнул в спину.

– Давай! Беги!

Анна побежала. Неловко, спотыкаясь. Стивен следовал за ней, расшвыривая призраков в стороны, останавливая тех, что подлетали слишком близко (они, покрутившись в воздухе, падали прямо в воду). Он торжествовал: у них точно получится.

Один призрак решил сменить тактику и набросился не на Анну, а на него самого. Призрак вцепился Стивену в руку, но тот, игнорируя боль, откинул его в сторону и ударил по другому, который метил ему в глаза.

– Просто беги дальше! – крикнул он Анне.

Она была в паре метров впереди него, но проводник переживал, что душа не услышит его сквозь какофонию воплей.

– Беги внутрь!

Дверь была слегка приоткрыта. Анне оставалось лишь переступить порог – и она будет в безопасности. Оставшиеся призраки набросятся на Стивена, но к утру у него все заживет. Как обычно.

Земля под ногами стала тверже. Болотная жижа сменилась травой, потом трава поредела. Почва, усыпанная неровными камнями, пошла трещинами. Ноги Анны молотили по тропинке; руки тянулись к двери. Проводник облегченно улыбнулся.

Затем тусклая, бурая зелень Аниной пустоши мигнула, исчезла на секунду... по ней разлился алый свет... снова зелень – и обратно красный. Земля под ногами проводника вздыбилась, и он рухнул. В ладони впились острые камешки.

Он поднял голову и увидел, как Анна забегает внутрь – и призраки следуют за ней.

Это было невозможно.

Он пораженно застыл, распластаный на земле. На него, шипя, накинута горстка призраков; они впивались в его тело зубами и когтями. Проводник не обратил на них никакого внимания. Он не замечал ничего, кроме леденящих душу криков Анны.

Мир вокруг него, белея, выцветал. Он закрыл глаза. Он не понимал, что происходило, однако на пустоши явно что-то было не так.

Глава 7

– Похоже, у нас проблема.

– Что? – Дилан подняла на Тристана взгляд от пенопластовой тарелки с запеканкой, в которую была вот-вот готова зарыться с головой.

– Я практически уверен, что это призрак.

– Что?

Пластиковая вилка упала в тарелку, разбрызгивая соус по ее форменной рубашке. Дилан ничего не заметила.

– Думаю, это призрак убил лошадь.

– Что?

Щелк, щелк, щелк, складывались кусочки пазла. Дилан медленно осознала смысл его слов.

– Больше ничего не хочешь сказать? – Дилан склонилась вперед, окидывая его мрачным взглядом. Тристан рухнул на стул напротив. – Что значит – ты думаешь, что это призрак? Там же далеко от наших с Джеком разрывов. Какой же тогда призрак!

Голос Дилан звучал резко, визгливо. Услышав себя, она поморщилась и оглядела столовую. Вокруг было полно народа, но никто не обращал на них внимания.

– Почему ты считаешь, что это... один из них?

Тристан сделал глубокий вдох.

– Случилось еще одно нападение. На том же самом месте.

– Человек?

– Нет, овцы.

– Овца?

Тристан покачал головой.

– Не одна, целое стадо. На соседней ферме, прошлой ночью. Написали в разделе местных новостей на Би-би-си. Полиция предупреждает о возможном появлении опасного хищника.

– Хищника? Мы же не в Африке! Откуда тут львы и тигры!

– В новостях предположили, что животное сбежало откуда-то. Из зоопарка или частной коллекции.

– Там где-то недалеко сафари-парк, – согласилась Дилан и внимательно поглядела на Тристана. – Но ты думаешь, что дело не в этом.

– Да.

– Я просто...

Дилан отодвинула поднос с едой; у нее внезапно пропал всякий аппетит. Ее затошнило. Не сказать, чтобы Тристан ее убедил, но его волнение передалось ей.

– Я не понимаю, как это мог сделать призрак. Там ведь поблизости ничего нет! Ты точно не чувствовал появления другого проводника?

Тристан, стараясь сохранять спокойствие, терпеливо покачал головой. Дилан уже задавала ему этот вопрос.

– Тогда, скорее всего, там нет ничего сверхъестественного. Ну, если не считать сверхъестественной пантеру! Ну правда, Тристан. Откуда тут взяться призраку?

Они ведь сами не могут сюда попасть.

Но ее слова его, похоже, не убедили.

– Я знаю, но все равно. Чувствую: что-то не так.

– Я думала, ты говорил, что не чувствуешь призраков, пока они не подлетают совсем близко?

– Так и есть. Только если...

– Если рядом Сюзанна, – докончила Дилан фразу, которую благоразумно оборвал Тристан.

Она шумно выдохнула. Дилан знала, к чему он клонит.

– И ты хочешь отправиться туда. Узнать, в чем дело.

Он кивнул, виновато поводя плечами.

Дилан поджала губы, но смирилась. Если Тристан прав – хотя она не знала, как такое может быть, – они обязаны пойти и разобраться, в чем дело. Убить призрака, понять, откуда он появился, и не дать другим последовать за ним.

Если Тристан прав и они ничего не сделают, тогда придет Инквизитор, и...

– Ладно, ладно, – со вздохом сказала она. – Завтра пятница, уроки заканчиваются рано. Можем поехать сразу после школы. Хорошо?

Тристан состроил гримасу, явно недовольный промедлением, но все равно кивнул.

– Завтра.

– Вот увидишь, – она усилием воли подняла вилку и отправила ее в рот. – Мы ничего там не найдем.

Голос ее звучал уверенно, и она от души надеялась, что права.

* * *

– И все же я думаю, что это страшно глупо, – прохныкала Дилан.

Она стояла по лодыжки в грязи, и ноги в резиновых сапогах у нее страшно мерзли. Она чувствовала, что один носок вот-вот сползет. В левой руке она сжимала зонт. Огромные жирные капли колотили по ткани, выбивая неровный ритм вокруг ее головы. Вторую руку она вынула из рукава дождевика и обернула вокруг живота. Промерзшие онемевшие пальцы кололо, словно иголками. Когда она выдыхала, изо рта у нее шел пар.

Март в Шотландии совершенно не подходит для загородных поездок. А если уж совсем честно, Дилан думала, что для загородных поездок вообще никакое время не подходит. Она и до смерти никогда не любила природу, и ее приключения в пустоши – и за ее пределами – лишь укрепили ее в этом мнении.

Тристан игнорировал ее жалобы. Видимо, оставил попытки умиловить ее после пятой, абсолютно неудачной. Вместо этого он смотрел вдаль, на соседнее поле, напряженно сжав пальцы вокруг колючей проволоки забора. Дилан стояла в нескольких метрах и подойти ближе не решалась, потому что... потому что зрелище было не из приятных. Совсем не для слабонервных.

Будто сцена из ужастика. Тела были грудой свалены в кучу; конечности изогнуты под странными углами; горы непокрытой кожей плоти. Трупы подождли, и огонь еще не совсем погас. От жара над землей поднимался клубящийся туман, похожий на отходящую к праотцам душу.

Оттого, что тела принадлежали овцам, а не людям, не становилось легче.

– Тристан, правда, я не понимаю...

– Хорошо бы подойти поближе, – перебил он.

– Что?

Вместо ответа он перекинул ногу через забор и спрыгнул на поле, где красовалась дымящаяся груда тел.

– Тристан! – Дилан заторопилась вперед, хлюпая сапогами по грязи, но дальше забора между полями пройти не смогла.

И не только потому, что перелезть через него в резиновых сапогах не по размеру было сложно. Просто с этого расстояния она разглядела все куда подробнее: дым уже не так застилал глаза. А еще запах. Издали он казался просто неприятным, но тут просто ошеломлял. Дилан поперхнулась и, просунув руку сквозь ворот куртки, накрыла рот ладонью. Стараясь дышать ртом, она поняла, что так запах превращается во вкус. Сажа, горелая шерсть и – менее различимо – более привычный вкус баранины. Так-то она даже любила баранину. Но, видимо, больше не сможет есть ее никогда.

Тристана же, казалось, вонь совершенно не смущала – а может, он просто твердо решил не обращать на нее внимания. Он стоял у самой груды трупов, так близко, что мог бы до них дотронуться. Дилан наблюдала за тем, как он протянул руку, словно и впрямь собирался коснуться этой мерзости, но в последний момент помедлил, занеся пальцы над обугленным копытом.

Она не понимала, что они вообще тут делают. Они же уже закрыли обе дыры в завесе; призракам было сюда никак не пробраться.

Да если какой-нибудь и смог бы, что ему было делать здесь, вдали от обоих мест: и от туннеля, где умерла она сама, и от переулка, где жизнь покинула Джека сквозь колотую рану в животе? В этот раз умерли даже не люди. Овцы! Конечно, овец было до странного много... но вряд ли они с Тристаном имеют какое-то к этому отношение.

– Тристан! – позвала она. – Становится поздно. Скоро совсем стемнеет.

– Ладно, – отозвался он, сделав пару снимков и засовывая телефон обратно в карман. – Я все.

Он легкой трусцой подбежал обратно. Как и ожидалось, глубокие лужи грязи ничуть не замедлили его шаг.

– Ну, что ты думаешь? – спросила Дилан.

Несмотря на весь свой скептицизм, она понимала, что мало в этом всем разбирается. А вот Тристан разбирался.

Он поморщился, обернувшись на обугленные трупы целого стада.

– Не знаю, – сказал он. – То есть тела все истерзаны и разодраны, как и следовало ожидать при нападении призрака, но...

– Но это овцы, – закончила за него Дилан.

– Ага.

– Разве не логичней предположить, что это свора бродячих собак?

Именно это сказал рассерженный фермер в новостях, сверкая покрасневшими глазами под шерстяным беретом.

– Или, как сказала полиция, дикий зверь?

– Может, и так, – задумчиво ответил Тристан.

– Мы ведь даже не рядом с одним из разломов, – продолжила Дилан. – Любому проникшему сюда призраку пришлось бы пробираться через десятки мест с аппетитными людьми.

– Аппетитными людьми? – приподнял бровь Тристан.

– Ты знаешь, о чем я!

Дилан, закатив глаза, толкнула его локтем.

– Ты права, – согласился Тристан. – Скорее всего, тут нет ничего такого. Просто я... – Он снова оглянулся на груды трупов, на сей раз задержавшись на ней

взглядом. – Просто меня преследует такое странное чувство... будто тут что-то не так.

– Ты чувствуешь присутствие призрака? – спросила Дилан.

Она все еще сомневалась, но у Тристана было чутье на потусторонних обитателей. К тому же она сама уже чувствовала внутри легкий холодок. Может, завесу и правда опять прорвали?

– Да нет, не то чтобы, – Тристан наморщил нос. – То есть, похоже, что нет. Без Сюзанны мне несколько труднее...

Он оборвал себя, не договорив. Дилан сжала челюсть. Опять эта Сюзанна. В нынешней ситуации помощи от нее было бы куда больше – и эта мысль вызывала в Дилан чувство сильнее, чем простая досада.

– Ага, – гораздо резче, чем ей бы хотелось, ответила Дилан.

Стараясь не обращать внимания на груды овечьих трупов, Дилан оглядела пейзаж. Они находились километрах в пяти от Килсита. Земля здесь была вся аккуратно разделена на поля. Некоторые сплошь засеяны травой и использовались под пастбища. На других – ничего, кроме вспаханной бурой почвы, которую недавний ливень превратил в болото. Километрах в двух от них, выше по холму, Дилан увидела большой дом, окруженный пристройками и сараем (возможно, ферма владельцев этих полей). Она надеялась, что хозяев нет дома: им только и не хватало что разгневанного фермера с ружьем в руке. На склоне того же самого холма, вдоль узкой проселочной дороги, ведущей к шоссе до города, располагался ряд аккуратных маленьких домиков. Вероятно, они принадлежали фермерам. Высокие живые изгороди, видимо, загораживали их с Тристаном от любопытства жильцов, но все же Дилан чувствовала себя беззащитной, уязвимой. Вопреки здравому смыслу, она больше переживала о том, что их могут заметить и прогнать, а не о том, что на них может наброситься призрак и протаранить в ее теле дыру.

– Подумай о приоритетах, Дилан, – пробормотала она себе под нос.

– Что? – спросил Тристан.

Он тоже осматривал пейзаж, но Дилан сомневалась, что его заботили разгневанные селяне.

– Ничего, – сказала она и заставила себя сосредоточиться. – Ты знаешь, на каком поле нашли лошадь?

– Нет, – он мотнул головой. – В новостях сказали, что это случилось примерно в километре от этого случая с овцами. Тут поля просматриваются на несколько километров... Наверно, где-то совсем близко.

– Ладно, – Дилан медленно развернулась на месте. Ничего примечательного она не заметила. – Ну, кроме домов, спрятаться тут особо негде.

– Если бы призрак добрался до домов, в новостях бы говорили не только про овец.

Да уж, с этим не поспоришь. Необъяснимые смерти людей и правда стали бы сенсацией. Перед ее мысленным взором мелькнул дом в Денни, где они обнаружили гнездо призраков. Ей до сих пор снились кошмары про те пропитанные кровью стены.

– Так что будем делать? – спросила она.

– Охотиться на призрака, – просто отозвался Тристан. – Хотя... – по его лбу пробежали морщины. – Еще лучше, если мы найдем место, где он пробрался в этот мир.

– Если он пробрался, – поправила Дилан, не готовая расстаться с надеждой, что никакого призрака вовсе и нет.

– Ага, – рассеянно отозвался Тристан, глядя вдаль.

– И как мы это сделаем? – спросила Дилан. – Мы же не увидим дыру, так?

– Так. Если только не провалимся в нее, – с сухой усмешкой ответил Тристан. – И мне такой вариант как-то не улыбается. Если беглая душа прорвала завесу, обратная сторона будет выглядеть точно так же, как наша. Это все равно что

искать зеркало без рамы... практически невозможно разглядеть. Как-то даже жаль, что нельзя ее почувствовать, как тогда, в туннеле. Это бы сильно облегчило нам задачу.

– А мне не жаль, – возразила Дилан.

Она живо помнила то ужасное чувство в груди, которое возникло у нее, когда они вернулись на место, где она умерла. Будто кто-то протянул руку, схватил ее за сердце... и дернул.

– Да, и мне тоже нет, – Тристан сжал ей пальцы, молчаливо извиняясь за свои слова. Он глубоко вдохнул. – Давай пока попробуем выяснить наверняка, есть тут призрак или нет. Если найдем его, тогда и станем выяснять, откуда он появился.

– Хорошая мысль, – Дилан медленно обернулась кругом и остановилась. – Ты ведь думаешь, что он там, да?

– Да.

– Конечно, – она презрительно фыркнула. – Темный, мрачный лес. Где же еще?

Строго говоря, лесом это было назвать сложно. Так, рощица. На полпути к вершине холма, со всех сторон окруженная полями. Если не считать домов (а Тристан уже объяснил, почему призрака в домах быть не может), это было единственным местом, где нечисть могла прятаться в дневные часы. А если там никого нет...

Что ж, им останется только надеяться, что Тристан ошибся, потому что, если призрак уже отсюда сбежал, он может быть где угодно.

Скоро они дошли до первых деревьев. По крайней мере, дождь перестал, и Дилан оставила зонтик на невысокой каменной стене, окружавшей деревья. Тристан помог ей перебраться на другую сторону, и они ступили под темные кроны. Росли тут почти одни сосны, да еще с такими густыми длинными иглами, что в пасмурный день в роще было темно, точно в сумерки.

Лесок был совсем крошечный; не успели они сделать десяток шагов к центру, Дилан уже увидела свет, сочившийся с противоположной стороны.

– Осторожно, – Тристан поднял крепкий обломок ветки. – Одному призраку не так много надо места, чтобы спрятаться. Хватит лисьей или барсучьей норы. Может, даже широкого зазора между корнями. Прямой свет сюда не попадает, поэтому для укрытия хватит одной тени.

– Шикарно, – пробормотала Дилан.

Она шагала вперед, осторожно ступая в кашу прелой листвы и опавших иголок.

Слева от нее Тристан шел, словно следуя какой-то схеме. Он тщательно осматривал каждый фут рощицы. Подход Дилан был не таким методичным: она бродила туда-сюда, приглядываясь ко всему, что казалось ей необычным или имело странную форму. Она ничего не нашла. Как раз к тому времени, как ей стало скучно, холодно и захотелось бросить эту затею, Тристан закончил свои систематические поиски и выпрямился, уперев руки в бока, с самым унылым видом.

– Черт! Тут его нет.

– А разве это не повод порадоваться? – удивилась Дилан. – Нет призрака – нет прорыва в завесе. Значит, можно не ждать визита Инквизитора.

– Знаю. Но... Я был уверен!

– Что ж, сочувствую твоему разочарованию, – губы Дилан изогнулись в облегченной улыбке. – А по мне, так хорошо, что нас не съел какой-нибудь тигр, сбежавший из зоопарка.

Тристан коротко хохотнул, запрокинув голову. Но тут же замолк.

– Что? – вглядываясь в его лицо, спросила Дилан. – В чем дело?

Вместо ответа он показал куда-то пальцем.

Дилан подошла поближе и взглянула наверх. Там, среди ветвей, метрах в шести-семи над их головами, была привязана шаткого вида платформа. Щурясь в темноте, Дилан разглядела синюю веревку, которой платформу привязали к стволам. Получился неровный треугольник. Отсюда было плохо видно, но ей показалось, что она видит кривую крышу, превращавшую платформу в маленький домик на дереве.

Судя по обветшалому виду, Дилан предположила, что это было тайное укрытие какого-то ребенка, который давно вырос и забыл про дом.

Настал ее черед выругаться.

– Вот ведь блин! – Она тяжело вздохнула. – Пожалуйста, скажи мне, что призраки не любят селиться на высоте.

Тристан с громким стоном уронил свою ветку. Та мягко упала в груды листьев.

– Оставайся здесь, – сказал он. – Я заберусь проверю.

Подойдя к дереву, он подпрыгнул и ухватился за узловатый участок ствола. Дилан наблюдала, как он елозит по гладкой поверхности ногами, пытаясь нащупать опору. Не вышло. Он скользнул обратно на землю и потер руки, пытаясь избавиться от смолы.

– Богатый опыт в древолазание? – спросила Дилан.

– Не-а, – признался Тристан. Ничуть не смутившись, он подпрыгнул снова и, подтянувшись на руках, залез на первую ветку. – Но раз кто-то туда забрался, чтобы построить дом, то и я смогу.

– Угу, – пробормотала под нос Дилан, обходя дерево и протягивая руку к вбитой в ствол опоре. – И лестницу, видимо, тут не для красоты приколотили.

Залезать было непросто: древесина вся вымокла, да и Дилан не отличалась силой – возможно, потому, что всю жизнь старательно избегала спорта. И все же перекладины располагались совсем близко друг к другу, и меньше через минуту Дилан уже остановилась, оказавшись на одном уровне с Тристаном.

Он уставился на нее в полном изумлении. Она ответила хитрой ухмылкой.

– Ладно, – сказал он наконец. – Слезай, и я заберусь с той стороны.

Дилан покачала головой.

– Не-а. Мы оба полезем. Проверим вместе.

Она еще не успела договорить, а Тристан уже яростно мотал головой.

– Дилан...

Не обращая на него внимания, она полезла выше.

– Дилан! – прошипел он громко, не желая кричать: вдруг наверху и правда поселился призрак.

Дилан проигнорировала его зов и продолжила путь вверх. Через секунду она расслышала тихую ругань, а потом скрип дерева: Тристан быстро полез наверх, стараясь ее догнать. Дилан приостановилась. Одно дело храбрость, а другое – безумие. Она не собиралась исследовать дом на дереве в одиночку.

Она застыла прямо под самой платформой; Тристан почти сразу появился рядом. Он приложил палец к губам и вытянул вперед другую руку, призывая ее не идти дальше. Дилан покачала головой. Остаться тут, чтобы рисковал он один? Ну уж нет. Тристан состроил гримасу, но, кажется, понял, что остановить ее не получится.

Он поднял вверх три пальца, потом два, потом один – и они с Дилан медленно поползли наверх. Шаг, потом другой. До платформы было рукой подать. Дерево начало угрожающе раскачиваться под весом Дилан. Вцепившись в перекладины, она прижалась к стволу и неблагоразумно глянула вниз.

Ох как высоко.

Упадешь – сломаешь обе ноги, это уж наверняка. Тристан был прав: ей лучше было остаться на земле, но мысль о том, чтобы отправить его в логово одного,

была для Дилан невыносима. Что, конечно, очень глупо. Чем она вообще могла ему помочь?

По рощице пробежал порыв ветра, и дерево снова качнулось. Дилан схватилась крепче и разрешила себе последний момент слабости, прежде чем протянуть руку к следующей перекладине.

Краем глаза она увидела, как Тристан наблюдает за ней с обеспокоенным лицом. Она попыталась ободряюще улыбнуться, но получилась жалкая гримаса. Когда он увидел, что она снова упрямо карабкается вверх, то заторопился и сам, чтобы опередить ее.

Голова Дилан показалась над платформой. Никого. По крайней мере, на первый взгляд. У дальнего края валялась груда потертого брезента: когда-то она, как и предполагала Дилан, была крышей, но давно упала. Кто знает, что может затаиться в складках брезента? А может, и ничего.

Увидев, что Тристан неловко взбирается на платформу, Дилан последовала его примеру. Деревянные доски казались прочными, но они долго пробыли на улице, и Дилан не слишком доверяла старым веревкам и гвоздям. Она опустила ноги и прижалась спиной к стволу.

Увидев рядом короткую палку, она схватила ее, готовая в случае чего пустить оружие в ход. Тристан медленно и осторожно пошел к горе брезента.

Дилан смотрела, как он нагнулся, нерешительно протянул руку и схватился за обтрепанную кромку плотного материала. Замер с брезентом в руке. Обернулся на Дилан. Она кивнула и слегка подвинулась, стараясь сохранить равновесие. Сжав покрепче палку, она сделала глубокий вдох.

Тристан, судя по всему, предпочитал отрывать пластырь одним движением. Вместо того, чтобы откинуть брезент в сторону, он резко потянул его назад. Тусклый свет осветил платформу под брезентом. Дилан резко дернулась. Мышцы ног ее были готовы пуститься бежать, но она не тронулась с места.

Платформа была пуста.

Однако древесина оказалась вся в глубоких царапинах, и поверхность отливала тошнотворной краснотой. Дилан наблюдала, как Тристан протянул руку и пробежал пальцами по одному из желобков. Кончики пальцев намокли.

– Призрак, – прошептала Дилан.

Тристан был прав.

– Мы опоздали, – тихо сказал он.

Подняв голову, он заглянул вдаль между деревьев, на просторные поля.

– Теперь он может быть где угодно.

Сердце бешено билось у Дилан в груди. Каждый удар причинял боль.

– Что нам делать?

Тристан ничего не ответил.

Глава 8

Ева, паромщица, стояла по колено в высокой траве. Легкий ветерок теребил ее волосы, прядь за прядью высвобождая их из аккуратной косички. Паромщица улыбнулась маленькому личику, смотревшему на нее с таким доверием и надеждой, хотя в глазах притаилась и тревога.

– Не бойся, Руби. Ты пришла. У тебя получилось.

Солнце исчезло: по левую сторону от них, в скалистом ущелье, сгрудились в кучу низкие облака. Однако теперь это было неважно, подумала паромщица. Они стояли у черты. Они перешли пустошь.

– Я хочу остаться здесь с вами, – пришепетывая, попросила Руби. – Можно?

Она сделала шаг, чтобы взять Еву за руку. Хотя сердце ее разрывалось на части, Ева отступила в сторону. Губа у Руби снова задрожала, и Ева знала, что девочка вот-вот расплачется. Она приготовилась к неизбежному и приняла строгий вид, какой, как она думала, должен быть у учительницы, что имеет дело с упрямым ребенком. Именно эту роль она сейчас играла. Руби очень любила свою учительницу и ничуть не противилась, когда та взяла ее за руку и повела прочь от груды разбитой черепицы и деревянных обломков, что остались от крыши старого школьного спортзала, упавшей от сильного порыва ветра. Вдвоем с мисс Хиггинс Руби пошла прогуляться по окрестным полям.

– Ты не хочешь оставаться со мной, Руби, – твердо возразила Ева. – Тут живут плохие существа, помнишь? И мы прошли так далеко, чтобы ты повидалась с бабушкой. Ты разве не хочешь ее навестить?

Руби была готова расплакаться и сказать, что нет, она совсем не хочет видеться с бабушкой. Она хочет остаться с мисс Хиггинс – или, что еще хуже, что она хочет к маме. Сочувствие сдавило грудь паромщицы, и тон ее смягчился.

– Она так расстроится, если ты не придешь. Думаю, она приготовила твоё любимое лакомство. Ты говорила про шоколадное печенье, да?

– Пастилки, – прошептала Руби. – Она любит делать пастилки.

– Думаю, бабушка уже припасла для тебя пастилок, – Ева через силу улыбнулась.

За свою короткую жизнь Руби испытала лишь одну потерю. Ева не знала, что ждет девочку за чертой, но надеялась, что бабушка присмотрит за ней, пока не придут родители.

Она старалась не думать о том, что бабушка могла и не добраться до черты; что она превратилась в одного из призраков, что выли и стонали за стенами убежища. Руби тогда так напугалась, что бросилась Еве в объятия. Та убаюкивала девочку вечер за вечером, дожидаясь, пока Руби не заснет. Детский разум не способен был осознать, что с ней произошло, что ей больше не нужен сон.

Мир ведь не так жесток, чтобы забрать Руби так рано и не дать ей никого, кто бы мог ее утешить в загробной жизни?

Ева изо всех сил держалась за эту мысль, хотя не понаслышке знала, как груба и жестока может быть жизнь – и смерть.

– Тебе нужно лишь пройти еще пару шагов, – дрожащим от чувств голосом выговорила она. – И бабушка встретит тебя. Давай, иди.

Медленно, неуверенно, Руби отвернулась от Евы и пошла прочь. Сделала шаг, другой, третий, – и оглянулась через плечо прежде, чем сделать четвертый. Последнее, что увидела Ева, было ее напуганное, беззащитное лицо со слезой, сбегающей по щеке. Девочка исчезла за чертой.

Ева не спешила уходить, хотя знала, что души оттуда не возвращаются. Она хотела постоять еще немного. Паромщица представила, что Руби еще видит ее, и, чувствуя себя крайне глупо, все равно подняла руку и помахала пустому воздуху. Она надеялась, что кто-нибудь встретит ее крошечную душу; надеялась, что Руби как-то сумеет найти бабушку.

Зная, что сделала для ребенка все, что могла, паромщица наконец отвернулась. Пустошь Руби начала меркнуть еще до того, как Ева пошла прочь, словно упрекая ее за промедление. Ведь другие души ждали своих проводников. Но души не заканчивались никогда. Это был бесконечный цикл – и среди новоприбывших мало кто был так же невинен и добр и так же мало заслуживал своей участи, как Руби. Ева не торопилась.

Как обычно, небо и земля постепенно выцветали. Горы по левую руку и равнины по правую таяли в пустоте. Ева шагала, ожидая, что вот-вот появится новый мир. Каков он будет на этот раз? Город? Пустыня? А может, разоренный десятилетиями войн, ненависти и насилия? Она надеялась, что не последнее.

Шаг, еще шаг. У ее ног вился белый туман; небо, казалось, падало ей на голову. Протянешь руку – и дотронешься до облаков. Повинуясь внезапному порыву, Ева подняла пальцы и провела ими по пустому пространству... на ощупь было как дым. Тяжелый, бесцветный дым. Он игриво обвивался вокруг ее пальцев.

Что-то явно было не так. Что-то уже должно было появиться, хотя бы где-то. Что же случилось?

– Эй? – позвала Ева. – Есть кто-нибудь?

Никакой голос ей не ответил. Никакая пустошь не появилась.

Туман загустел; он напирал со всех сторон, и Еве начало казаться, что он ее задушит. Она попыталась оттолкнуть завесу дыма, но она вертко скользнула мимо и, стоило Еве остановиться, снова начала обвиваться вокруг нее.

– Эй, – выкрикнула паромщица снова, на сей раз громче. – Эй?!

Она повернулась налево, затем направо. Ева совсем потерялась. Охваченная слепой паникой, она рванулась вперед и с облегчением обнаружила, что туман расступается, пропуская ее. Она бежала и бежала, пока со лба не заструился пот и она, совершенно изможденная, не рухнула на колени.

Пейзаж не изменился. Ничего кроме бесконечной, заполненной туманом белизны. С губ Евы сорвался всхлип, потом еще один, и вот она уже рыдала, ловя ртом воздух, и слезы струились по ее щекам.

– Помогите! Хоть кто-нибудь! Пожалуйста, помогите!

Глава 9

– Оставайся здесь. Просто сиди тихо, Джек, милый, хорошо?

Мамино лицо выражало напряжение и испуг. Она закрыла за собой дверь. Сюзанна услышала щелчок. Торопливые шаги мамы Джека по деревянному полу.

Сюзанна наблюдала, как рука Джека потянулась к дверной ручке и подергала за нее. Дверь не поддавалась.

– Мам! – Завопил он. – Ма-а-ам!

Голос его звучал совсем иначе. Это не только от панического страха, поняла она, его голос казался выше; это был Джек гораздо младше. Обои вокруг двери были не мягко-серого цвета, как во время ее визита, а небесно-голубые, с узором из самолетиков. Сюзанна смутно замечала разбросанные по ковру игрушки, но ей было сложно сосредоточиться на чем-то, кроме ужаса и отчаяния, заставлявших Джека крутить и дергать ручку двери, которая никак не поддавалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/makfoll_kler/izgoi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)